

Сказки

Автор: Эльфика (Ирина Семина)

Рубрика: "Особенные" дети

Материал подготовила: Васильева И.Н. (педагог-психолог)

ЗВЕЗДНАЯ КОМАНДА

Жил-был цветок. Это был не обычный цветок, а космический. Обычные цветы предназначены, чтобы радовать человеческий глаз, а космические цветы нужны, чтобы радовать звезды. Вот так он и плавал в бескрайнем космосе от звезды к звезде, чтобы вдохновлять их своей необычной, диковинной красотой, и в этом было его предназначение. А название у цветка было тоже необычное, как будто звук басовой струны – Варрррр...

А в одном небольшом звездном скоплении на окраине галактики, на планете Земля жила-была женщина по имени Ольга. Но на самом деле она была звездой, и настоящее имя ее было Олла. Иногда звезды спускаются на землю, чтобы совершить что-то очень-очень важное и нужное для всего человечества. Конечно, для звезды очень нелегко скрываться в облике обычного человека, и часто они чувствуют себя одинокими и непонятыми, но... задание есть задание.

Надо сказать, очутившись на Земле, звезды порою сильно меняются. Так надо: ведь им предстоит жить среди людей и следует приспособиться к обычной жизни. Иногда они настолько вживаются в роль, что почти сливаются с остальным населением и начинают забывать о своем великом задании – светить людям, и тогда Вселенная делает что-нибудь такое, что будет постоянно тревожить, напоминать, вдохновлять... в общем, побуждать звезду выполнять ее высокую миссию.

Однажды, когда Олле было особенно грустно и одиноко, она услышала шепот Вселенной.

- Как ты, дитя мое? – нежно спросила Вселенная.

- Мне так трудно, — пожаловалась Олла. – Здесь, на Земле, все по-другому – не так, как у нас, среди звезд. Здесь много зла, ненависти, лжи, предательства... Здесь слишком грубые звуки и краски. Порою мне бывает очень тяжело и невероятно хочется вернуться домой, на небо...

- Понимаю, — тихо сказала Вселенная. – Если бы ты знала, как я тебя люблю, звездочка моя...

- Мне очень не хватает родственной души, — пожаловалась Олла. – Кого-нибудь, с кем я смогу поговорить не словами, а душами, не на земном, а на звездном языке. Вот как сейчас с тобой.

- Да, все это так. Но ты избрана для того, чтобы нести свет и менять реальность этого мира к лучшему, и ты должна быть здесь. Мне просто нечем тебя заменить! Ты – незаменимая, понимаешь?

- Да, конечно, — вздохнула Олла. – Я стараюсь! Но здесь я не могу сиять в полную силу, иногда просто руки опускаются. Похоже, в звездах тут никто не нуждается. Потому что я сияю-сияю, несу свет, пытаюсь что-то сделать для этого мира, но меня часто просто бьют по рукам. Это совсем не вдохновляет...

- Что ж, я подумаю, чем тебе помочь, — пообещала Вселенная. – Хотя... Пожалуй, я уже знаю, что нужно сделать.

- Да? И что же?

- Как ты смотришь на то, чтобы у тебя появился верный спутник и лучший друг? Он никогда не предаст, ни к кому не уйдет и будет всегда рядом. Он будет помогать тебе увеличивать твой свет. Он будет тебя вдохновлять. И самое главное – вы в любой момент сможете поговорить с ним на одном языке, из души в душу.

- О, это было бы прекрасно! – воодушевилась Олла. – А кто это, что за человек?

- Это не человек, — улыбнулась Вселенная. – Это цветок. Редкий космический цветок Варрррр, созданный для того, чтобы вдохновлять звезды. А я подумала, что надо бы вдохновить и людей.

Благодаря цветку Варррр, в них начнет просыпаться нежность, любовь, творчество, осознанность! Ну и в тебе, само собой, тоже.

- Но разве космические цветы могут существовать в земных условиях? А тем более разговаривать?

- К сожалению, нет. Я могу дать тебе семечко, а вот вырастить земную оболочку для него тебе придется самой, в собственном теле, питая его своей любовью.

- Хорошо, конечно, я выращу! Во мне столько любви, что хватит на весь мир – не только на семечко.

- Но имей в виду: он будет такой же необычный, как ты, и даже еще необычнее. Ему будет еще сложнее приспособиться к земным условиям, поэтому тебе придется о нем заботиться. Зато это будет всех (и тебя тоже!) постоянно вдохновлять и побуждать к жизни!

- Да, я буду о нем заботиться! Со мной рядом будет родственная душа, верный спутник, а это меня уже вдохновляет!

- Что ж, тогда жди. Семечко скоро окажется в тебе.

Так оно и вышло. В самом скором времени Олла ощутила, что в ней зародилась новая жизнь. Она старательно поддерживала ее, питая и поддерживая, и по прошествии времени на свет появился чудесный звездный цветок – Варррр. Для него выросло подходящее тело маленькой девочки, и цветок уютно расположился в нем, получив земное имя – Варя.

О да, Вселенная была права, он получился очень необычным! Таким необычным, что поначалу Олла даже немного растерялась. Он требовал постоянной заботы, ухода и внимания. Он не мог существовать без нее. Для него не подходили обычные, земные способы выращивания цветов. Да и общаться с ним оказалось не так-то просто. Хорошо получалось только если без слов, «из души в душу».

- Это потому что, скитаясь среди звезд, я вообще не привык разговаривать, — объяснил цветок. — Мы, цветы, молчаливые создания. Но если ты хочешь, я научусь болтать.

- Конечно, хочу, — сказала Олла. — А ты можешь мне подсказать, как тебя правильно выращивать?

- Не могу, — пожал плечами цветок. — Я и сам не знаю. Я ведь еще никогда не рос на Земле.

И Олле пришлось искать, изучать, придумывать разные способы взращивания своего питомца. Это было непросто, но очень увлекательно, и каждый успех, даже маленький, наполнял ее гордостью и невероятно радовал. Но иногда ее посещали сомнения и даже отчаяние.

- Почему ты не хочешь быть как все нормальные дети? — спрашивала она цветок.

- Но ведь и ты не как все, — возражал он. — Я не знаю, что такое «как все». Это как? Как метеориты? Как звездные туманности? Как планеты? Ведь все абсолютно разные. Даже люди...

И Олла с удивлением обнаруживала, что и сама так всегда считала, просто немножко забыла.

- А почему ты не отпускаешь меня ни на шаг? — спрашивала она в другой раз. — Ведь иногда мне требуется оставить тебя, куда-то уйти, да просто побыть одной, в конце концов.

- Но мне так страшно оставаться одному в этом совершенно чужом для меня мире, — объяснял ей цветок. — Я пока еще не готов, и ты же хотела спутника, который будет рядом всегда и каждый миг... но я буду стремиться и когда-нибудь научусь обходиться без тебя. Хотя бы недолго...

И Олла поняла, что раз уж она сама попросила вселенную о столь верном друге, ничего не поделаешь – придется ждать.

- Уход за тобой отнимает у меня очень много сил и времени, — жаловалась Олла. — Иногда я чувствую, что не знаю, что делать, и мне кажется, что я ни на что не способна.

- Но это не так, — возражал цветок. — Ты очень многому научилась и многое узнала. Ты стала такая яркая, твоя душа светится, как самая яркая звезда!

И Олла знала, что ее цветок прав – он ведь смотрел на нее особенным, глубинным взглядом, и видел то, что не могут разглядеть другие.

Но были у них и другие разговоры.

- Ты знаешь... мне иногда так хочется умереть, — как-то признался ей цветок. — Сбросить земную оболочку и вернуться туда, чтобы снова плавать среди звезд. Но я не могу, потому что должен всех вдохновлять. Такое задание я получил от Вселенной, и должен его выполнить.

- И мне тоже иногда хочется домой, — задумчиво сказала звезда. — Там я сияла бы гораздо ярче, и поболтала бы с подружками-звездами, и вообще вышла бы на совершенно другую орбиту... Но я тоже не могу, ведь и у меня есть задание – сиять и менять земную реальность, делая ее похожей на небесную.

- Но мы же можем поддерживать друг друга, — предложил цветок. — Я – вдохновляю, ты – сияешь, мы вместе выполняем наше задание! Варrrrr и Олла... Вариолла, Вариолла – звездная команда!

- Что ж, это здорово, отличное название для команды! – одобрила Олла. – Я согласна. Да, нам с тобой не просто, но мы справимся! Куда же деваться, если мы – посланцы?

- Ну, если уж мы решили остаться... Мне очень хочется научиться быть самостоятельным, найти свои интересы в этом странном мире и научиться чему-то новому, — подумав, сказал цветок. – Я буду каждый день учиться чему-нибудь новому и стану самым умным цветком Вселенной!

- А я... может быть, я напишу книгу о том, как возвращать космические цветы, или даже сниму фильм, — улыбнулась звезда. – Не сейчас... когда-нибудь. Но я уже начала собирать материал!

- Ты самая яркая звезда во всем Мироздании, — сказал Варrrrr.

- А ты – самый необычный цветок во Вселенной, — ответила Олла.

Если вы где-нибудь встретите их – сразу узнаете. Необычное дитя, не похожее на других, и женщина, у которой из глаз льется мягкий сияющий свет. Знайте же, что это Вариолла, звездная команда, союз звезды и цветка из далеких миров, присланный к нам, чтобы земля и небо когда-нибудь снова стали едиными.

Автор: Эльфика

ДВЕРЬ

У двери в подвал на корточках сидел мальчик с рюкзачком за плечами. Лет семи на вид, худенький и трогательный. И у него были такие печальные плечики! Никогда не видела этого мальчика в нашем дворе.

- Что ты тут делаешь, дорогой? Ты чей? – спросила я его.

- Тетенька, я не умру? – спросил мальчик, поднимая на меня полные слез глаза.

- Ч...что? – я аж поперхнулась от неожиданности. – Ты что такое говоришь? Почему ты вдруг должен умереть? Тебе плохо? Ты болен? Тебя кто-то обидел?

Он молча смотрел на меня, и глаза у него были такие... мученические. Ну, знаете, когда там застыли боль и немой вопрос.

...А ведь и у меня совсем недавно были такие же глаза. Я вспомнила, я видела свои глаза в зеркале, и в них тоже застыли боль и немой вопрос. Тогда умер мой друг, умер не вовремя,

нелепо, и я никак не могла смириться с этим. И до сих пор не могу, если честно...

- Где твои родители?

- На работе...

- А ты что тут делаешь?

- Иду домой. Из школы.

- Мимо подвала идешь?

- Не знаю. Я как-то незаметно сюда пришел. Там темно. Страшно, но как будто зовет. Манит.

- Кто манит?

- Темнота.

- Знаешь что? – решительно сказала я. – Давай-ка я тебя чаем напою и позвоню твоим родителям. Что-то не хочется мне тебя тут, под дверью, одного оставлять.

Дверь в подвал была приоткрыта, там и правда было темно, оттуда тянуло сыростью и затхлостью, как из склепа. Детям в таких местах точно делать нечего!

- Разве тебе мама не говорила, что к подвалам подходить не следует?

- Не знаю. Наверное, говорила. Я не помню.

- Надо запоминать, что тебе мама говорит. Особенно о правилах безопасности.

- Я много чего не помню. Это потому что я все время думаю.

- О чем же ты так думаешь, малыш?

- О том, что я умру.

О господи... Какой странный ребенок! В его годы – и о смерти думать, ну как так? Да я в семь лет вообще была уверена, что я бессмертна! И мама с папой – тоже. Кстати, его родители, наверное, волнуются – где там их отпрыск, с кем?

- Мобильник имеешь? – спросила я.

- Имею. Только он сдох, в смысле разрядился.

- «Сдох»... Ну и лексикон у тебя, — покачала головой я. – Ладно, идем уже. Давай руку.

Он покорно встал и взял меня за руку. У меня сердце защемило – такой доверчивый, его же кто угодно обидеть может, вот так взять и увести незнамо куда...

Дома я первым делом позвонила его маме на работу по телефону, который он мне назвал – там все время было занято.

- Ладно, — сказала я. — Попозже еще попробуем. Давай я тебя борщом накормлю, ага? А потом будем чай пить. С оладушками! Ты любишь оладушки? Да, и варенье есть! И зефир в шоколаде. Тебя как зовут?

- Тима... Тимофей.

Тимофей, значит. А моего друга звали Тимур. Но он не любил, когда его называли Тима, предпочитал полным именем. Только я называла его Тимыч, и ему нравилось...

Тима ел вяло – не ел, а так, ковырялся. Даже зефир в шоколаде его не особо вдохновил. Впечатление было, что он действительно все время о чем-то напряженно думает, даже когда разговаривает.

В процессе я продолжала расспросы и выяснила, что никто его не обидел и ничего у него не болит, просто шел-шел, и захотелось вот свернуть к нашему подвалу.

- Мне часто хочется непонятного, — сообщил он. — Мама говорит, я странный.

Странный... Ну да, я тоже бываю странная, и мне тоже хочется непонятного. Например, мне хочется разговаривать с Тимуром. Хотя бы во сне. Или пусть даже наяву – когда никто нас не слышит. А он мне упорно не снится, я вообще не ощущаю его присутствия, и от этого мне плохо. Как будто его нет нигде – ни на этом свете, ни на том... Да, странно.

- И чего непонятного тебе хочется? – поинтересовалась я.

- Ну... На кладбище гулять, например. А мама запрещает.

- Правильно запрещает! – горячо поддержала неведомую маму я. – Чего там гулять? Там – место покоя.

- Я знаю, там покойники похоронены, — печально кивнул Тима. — Иногда мне снится, что я тоже покойник.

- То есть как???

- Ну, как... Что я там живу, в гробу, под землей. Сплю там, кушаю, играю...

- Нельзя играть в гробу! Там темно и тесно, — я была уже близка к панике от рассуждений странного мальчика.

- А мне все равно снится, — вздохнул он. — Я же не нарочно такие сны смотрю...

Действительно, чего это я паникую? Ну, снится, ну, бывает. Я вот тоже не нарочно все время думаю о Тимуре, как он умирал в больнице (хотя я там не присутствовала, я вообще в это время далеко была), и на кладбище к нему я до сих пор чуть не каждый месяц езжу (можно сказать, люблю гулять на кладбище!), так что я должна бы отнестись к причудам мальчика Тимы с пониманием. Только вот возраст... В таком нежном возрасте потери должны бы переживаться по-другому и быстро забываться.

- В твоей семье кто-то недавно умер, Тимочка? – осторожно спросила я.

- Нет, все живы, — помотал головой он. — Наверное, я первый умру. Я так думаю.

- А я так не думаю! – объявила я. – Сначала человек должен прожить жизнь, состариться, много сделать и повидать, а потом уж и умирать можно. А уж хотеть умереть – это совсем неправильно, слышишь?

- Да я и не хочу вовсе! – удивился мальчик Тима. – Дел у меня что ли других нет? Оно само...

«Оно само...». Вот и у меня тоже – «оно само». Почти два года, а я все еще не могу его отпустить. Он был такой талантливый, он писал такую музыку! Он мог бы так много сделать для мира, а ушел недопустимо рано. Он умер от банального воспаления легких, врачи ничего не смогли сделать. Я до сих пор не могу смириться, не могу! И ведь понимаю, что ничего не вернуть, его уже нет в этом мире, дверь захлопнулась... Хотя – нет! Я не даю ей захлопнуться. Я все время думаю: «а как он там?», «а хорошо ли ему?», и все время пытаюсь заглянуть туда, на ту сторону. Увидела бы, что там у него все в порядке – успокоилась бы.

Я снова набрала номер Тимкиной мамы – на этот раз мне ответили, что она вышла. Я оставила свой номер, наскоро объяснила, в чем дело, и вернулась к своему нежданному гостю.

- Тимочка, мамы нет на месте, но она нам перезвонит. Подождем? Может, тебе телевизор включить? Или компьютер – в стрелялки поиграешь?

- Я не люблю стрелялки, — опечалился он. — И телевизор тоже. Там убивают. Не хочу.

О боже, до чего же с ним трудно! Все он как-то незаметно сводит к одной теме. Которая, кстати, и меня тревожит...

- А разве все умирают только когда состарятся? – вдруг спросил он. – Ведь молодые тоже умирают?

Ох, как больно-то... Прямо в нервный узел. В тот, где все еще живет Тимур. Но надо что-то отвечать ребенку, а врать я не люблю.

- К сожалению, умирают и молодые. От болезней, от несчастных случаев. Но это – неправильно!

- А как это – умереть? Куда мы потом попадаем? – оживился он. – Нет, я знаю, что тело кладут в гроб, а гроб – в могилку, а вот мы сами – куда?

- Как – куда? – в замешательстве уставилась на него я. Вопрос был хороший: действительно, а куда? Я как-то явственно представила себе, как тело опускается в землю, а душа устремляется куда-то ввысь. – А, вот! На небо. Мы попадаем на небо. В смысле, наша душа туда улетает. Ну, как воздушный шарик.

- Но тогда все небо должно быть в воздушных шариках, — впервые улыбнулся он. – Как будто праздник!

М-да... Устами младенца, как говорится... Некоторые народы действительно считают уход с земного плана новым рождением и пышно празднуют это событие, с песнями, плясками и прочими ритуалами. Впрочем, озвучивать эту мысль я не стала – сочла неуместной.

- Видишь ли, Тимочка, души вроде как невидимы. Кроме того, они же не вечно там болтаются, они потом воплощаются снова. Так считают индусы.

- Я слышал, — энергично покивал Тима. – Я тоже так думаю. Наверное, души улетают на небо, чтобы отдохнуть. А потом снова в людей вселяются. Как в дом! Там побыли – здесь побыли, интересно же!

- Что ж, вполне возможно, — согласилась я, дивясь продвинутой нынешней молодежи. Надо же, семь лет ребенку, и такие познания в области тонких материй!

- Я не хочу улетать, — пожаловался он. – Я еще здесь не нажился, и мама огорчится. А меня словно кто-то за ниточку дергает и зовет, зовет... Прямо тянет!

- Тим, ты что? – растерялась я. – Ну сам подумай, ты же не воздушный шарик, ты человек, ты здесь живешь, на земле! Ну кто тебя куда тянет?

- А вдруг меня вселилась душа, которую не отпустили? – задумчиво спросил он. – Ну, то есть не совсем отпустили? Время прошло, а они еще все еще плачут, переживают, просят, чтобы вернулся. Я уже заново родился, а для них я как бы мертвый...

- Тима, ну что ты такое говоришь??? – вытаращила глаза я. – Что значит – «мертвый»? Для кого – «для них»?

- Я думаю, для тех, кто меня любил, — тихо сказал он. – Ведь кого любят, неохота отпускать, правда?

Ох, мальчик мой... Правда, еще какая правда! Особенно если отпускать приходится неожиданно и не вовремя. Вот Тимур ушел, а я все еще дергаю и дергаю за ниточку, потому что мне его так не хватает! Прямо ужасно не хватает, и я никак не могу сказать себе это страшное слово «больше никогда»... Но, опять же, это все промелькнуло у меня в голове и осталось невысказанным. Еще не хватало – грузить бедного ребенка своими проблемами! И тут зазвонил спасительный телефон.

- Боже мой, Тимочка у вас? С ним все в порядке? Почему он у вас? – скороговоркой частил в трубку взволнованный женский голос, бьющийся, словно птица в клетке. – Что случилось? Что случи...

- Не беспокойтесь. У него просто разрядился телефон. Все в порядке. Я его покормила. Не беспокойтесь, с ним все хорошо, — монотонно бубнила я. Вскоре разговор стал более вразумительным, и мы договорились, что через часик мамашка его заберет, мне только надо вывести его на угол, к остановке.

- Я не могу оставить маму, — по-взрослому серьезно сказал он. – Я у нее один, она будет горевать. Я должен жить. Даже если оттуда дергают...

Я не психолог и не педагог, я не знаю, как разбираться в детских фантазиях. И насколько это фантазии – тоже не берусь судить. В своих бы разобраться... Но мне его было невыносимо жаль, и хотелось как-то помочь, только я не знала, как. И вдруг меня осенило вдохновение, и я предложила:

- Тимочка, а давай их попросим оставить тебя в покое? Ну, чтоб не дергали и дали тебе прожить эту жизнь радостно и со вкусом!

- Хочу со вкусом! – оживился мой странный ребенок. – А как?

- А очень просто! Сейчас мы пойдем в магазинчик на углу, там воздушные шарики продают. Мы будем отпускать их в небо. Но сначала ты скажешь: «Тело – земле, Душа – Богу, а ваша любовь ко мне всегда останется с вами. Простите, но я не могу вернуться, потому что уже живу в другом месте и в другое время. Но знайте, что я вас тоже люблю!». Запомнишь?

- Запомню, — пообещал он. – А когда пойдем?

- А вот сейчас и пойдем. Давай-ка одеваться...

Все получилось как надо. Мы купили по шарик, взяли в руки...

- А вы что ли тоже будете отпускать? – казалось, мальчик даже не очень удивился.

- Буду, — кивнула я. – Мне тоже есть кого отпустить, поверь.

Мы пробормотали ту формулу, которую я наспех придумала еще дома. Как ни странно, Тима ее действительно запомнил и проговорил с чувством, и я тоже. А потом наши шарики устремились в небо, и мы провожали их глазами.

- Здорово, — удовлетворенно сказал Тима. – Ничего не держит... Легко летят!

- Это потому что отпустили, — объяснила я. – Когда отпускаешь – знаешь, как легко бывает?

Тут к нам кинулась женщина, только что вышедшая из автобуса – оказалось, Тимкина мама, и мы долго и бестолково обменивались извинениями и благодарностями.

- Он вам не докучал всякими глупостями? – напряженно спросила она. – А то с ним бывает... время от времени...

- Ну нет! У вас очень умный мальчик. Мне было интересно с ним общаться, — искренне ответила я. – Приходите в гости, буду рада.

Проводив Тимофея с его беспокойной матушкой, я не сразу отправилась домой – решила прогуляться. И вдруг явственно услышала голос моего Тимура – так, как будто у меня в голове включился какой-то канал.

- Спасибо, — шепнул мне он.

- Тимыч, это ты? – остановилась я. – Тимур, ты где?

- Двери в подвал должны быть закрыты, — сказал он. – Прах – к праху, жизнь – к жизни.

- Тимыч, я тебя отпустила, — зачем-то сообщила я. – В виде воздушного шарика...

- Отпразднуй, — улыбнулся он. Вот честное слово, я слышала, как он улыбнулся!

И все. Канал выключился – как будто дверь между мирами захлопнулась, на этот раз – полагаю, навсегда.

Я снова пошла в магазин. Я купила яблок, мандаринов, кисть винограда, торт и шампанское – как будто действительно собиралась на праздник. О боже, да почему «как будто» — я действительно туда собиралась!

Я пришла домой, накрыла стол парадной скатертью, живописно разложила все яства, включила Тимурову музыку, сняла с полки его фотографию и поставила напротив себя.

- До свидания, Тимыч! – сказала я. – Даст Бог – когда-нибудь свидимся. А сейчас – живи! Не препятствуй... Прах к праху, жизнь к жизни. Тело – земле, душа – Богу, а моя любовь к тебе останется со мной.

Я ждала, что снова включится канал, хоть на секундочку, но ничего такого не произошло. Наверное, он мне сказал все, что хотел. А может, его душа сразу воплотилась в какого-нибудь малыша, и ему уже может быть около двух лет. Не хочу, чтобы мои стенания-страдания дергали его за ниточку... Не хочу, чтобы его преждевременно коснулось дыхание смерти только потому, что его все еще где-то оплакивают – там, далеко, в прошлой жизни. Да, двери должны быть закрыты.

- Ох, который час? – спохватилась я. – Так, время – 16.30, еще успеваю!

И я кинулась звонить в ЖЭУ – от имени жильцов требовать, чтобы немедленно явился мастер и закрыл на замок подвальную дверь, из которой пахнет сыростью и затхлостью, как из склепа. Нечего тут смущать неокрепшие умы! Да и окрепшие тоже...

А потом я не поленилась спуститься и проверить, как выполнена работа. Теперь все было в порядке, дверь была крепко-накрепко закрыта и больше никого не могла заманить в чернильную темноту. Я вернулась домой с чувством выполненного долга.

- А моя любовь навсегда останется со мной, — сказала я Тимычевой фотке. – И музыка тоже. Спасибо, что ты случился в моей жизни. Ну что, потанцуем?

И я стала танцевать под его музыку. Мне было легко, мне было хорошо – впервые за два года. Все, что я могла подарить Тимуре теперь – это снова стать счастливой. Чтобы он там, в неведомых далях, тоже был счастлив.

Автор: Эльфика

БРЕДУЩИЕ ВО ТЬМЕ

Эта сказка написана для мамочки ребенка-аутиста. Она была заказана давно, но родиться не спешила. «Стимуляция родов» произошла благодаря мыслям девочки Сони, которые потрясли меня до глубины души (статья «Мудрость наших детей», можно прочесть на моем сайте). И во мне вдруг стали разворачиваться картины, полились чувства и эмоции, которые и выплеснулись в виде этой истории. Если кому-то поможет – буду рада.

БРЕДУЩИЕ ВО ТЬМЕ

Мне часто снится один и тот же сон. Ночь, пустынное шоссе с белой разделительной полосой, теряющееся во тьме, по бокам – два ряда фонарей, словно подвешенные звезды, разгоняющие мрак. Я иду по кромке шоссе и напряженно смотрю влево и вниз. Там, под высоким крутым откосом, точно такое же шоссе – те же два ряда фонарей, разделительная полоса, ровный асфальт, и по дальней кромке тоже идет человек. Но, в отличие от меня, он не смотрит по сторонам. Он вообще никуда не смотрит. Его взгляд устремлен внутрь, в себя. Он движется размеренно и

механично, как робот. Я его знаю, этого человека. Это мой сын. Я очень боюсь, что он оступится и упадет — его шоссе, как и мое, слева обрывается высоченным откосом. Улетишь – костей не соберешь. Надо быть предельно внимательным. Но он смотрит вперед незрячими глазами и не ощущает опасности. Я хочу крикнуть, предупредить, но мой крик повисает тут же, неподалеку от моих губ, словно у него нет возможности слететь туда, ниже. Звуковые волны в этом странном пространстве почему-то не распространяются. Не слышно даже звука шагов. Полное, абсолютное безмолвие.

Тут шоссе делает изгиб, надо поворачивать, а мой мальчик продолжает идти по прямой, и через секунду его нога зависнет над бездной, и тогда... Я отчаянно кричу, срывая голос, увязая в ватной тишине, – и просыпаюсь в холодном поту. Слава Богу, это только сон. Всего лишь сон... Хотя наша жизнь очень, просто пугающе, на него похожа.

Я – мама «особенного ребенка». У нас диагноз – аутизм. Вот уже 15 лет мы с этим живем, и я давно оставила наивную надежду на то, что в один прекрасный день мой ребенок вдруг стряхнет с себя сосредоточенное оцепенение, засмеется, запрыгает и завопит во все горло: «Ну что, здорово я вас разыграл???». Нет, таких затяжных розыгрышей не бывает, так что все правда. Аутизм поселился с нами навсегда, и с этим мне давно пришлось смириться.

Аутизм – это такая болезнь, отклонение в развитии. Если кто не слышал, я расскажу: «ауто, авто» – по-гречески значит «сам». Тот же корень, что в словах «автономный», «автоматический», что значит «самодостаточный, самонаправленный». В общем, все сам и в автономном режиме. Ему никто не нужен. Он живет в своем самодостаточном мире и не впускает туда никого, даже меня. И его «самонаправленный» взгляд направлен внутрь – туда, где живет только он сам, в своей запредельной аутентичности. Его реакции на внешний мир неадекватны. Я никогда не знаю, что их вызвало, и почему он вдруг ни с того ни с сего начинает прыгать на месте, или взмахивать руками, как крыльями, или безутешно плакать, или отчаянно скрежетать зубами, или прятаться в темные углы, лицом к стенке... Я не знаю, а он не может сказать. Он всегда молчит и никогда не смотрит в глаза. Ему не нужен никто, но нужна я – его мама, хоть он об этом, возможно, и не знает. Я помогаю ему жить и выживать в этом огромном и чужом для него мире.

Я люблю его так, как невозможно любить обычного ребенка. Когда обычные дети растут, они постепенно обретают самостоятельность, отдаляются и отделяются от мамы, пока не станут взрослой, автономной и самодостаточной личностью. Вот видите, и тут – автономность и самодостаточность... Но в этом случае – со знаком «плюс», а в нашем – со знаком «минус». Без меня он просто умрет. Поэтому я его все еще люблю как часть себя. Я не расслабляюсь ни на минутку и делаю все, чтобы защитить его и сделать по возможности счастливым. Хотя чаще всего мне трудно определить, счастлив ли он. Ведь он молчит, и лицо его безучастно, а те эмоции, которые он все-таки иногда проявляет, никто не может «перевести» на человеческий язык.

Я знаю про аутизм много, очень много. Ведь я старалась помочь моему мальчику, как только можно, и изучила проблему аутизма вдоль и поперек. Я знаю, что аутизм бывает разным, и в отдельных случаях возможна полная адаптация к нормальной жизни. Я знаю, что многие гении и выдающиеся люди были аутистами. К сожалению, это не наш случай. Мы так и не научились ни читать, ни писать, ни говорить. Так бывает. Мой ребенок все еще бредет во тьме по бесконечному шоссе...

Вопросы «за что?» и «почему?» в нашем случае неконструктивны. Просто так есть. А вот вопрос «зачем?» все еще открыт. Зачем ему такой опыт? Зачем он мне? Что мы должны из этого понять, извлечь? Может быть, вы скажете, что глупо – задаваться такими абстрактными вопросами, когда нужно решать насущные проблемы. Но я верю в Бога, и в то, что все, что нам ниспослано – не просто так. У всего имеется какой-то глубинный смысл, и его очень важно понять. Иначе – зачем все это???

И вот сегодня вечером я, накинув теплую курточку, вышла на балкон, чтобы увидеть Вифлеемскую Звезду. Сынуля уснул, у меня есть время для себя. Хотя по-настоящему побыть одной мне не удастся – все время незримо присутствует мой мальчик, я боюсь разорвать эту связь даже на секунду. Я смотрела на звезды – они были далеки, холодны и равнодушны, такие же отстраненные, как мой ребенок. Я почувствовала, как трепыхнулось и заныло мое сердце – изболевшееся сердце матери «особенного» ребенка. Это было нельзя, мне ни в коем случае нельзя распускаться, ведь случись что со мной – и страшно подумать, что будет с ним. Поэтому я стала молиться, обращаясь туда, к звездам. Не о чудесном исцелении, нет. О том, чтобы мне ниспослали сил, твердости и понимания. Я иступленно твердила свою просьбу раз за разом и впала в какое-то странное состояние, не то транс, не то анабиоз. И вдруг одна из звезд стала падать. Хотя нет – не падать, а просто приближаться по широкой дуге, стремительно увеличиваясь в размерах, пока не зависла прямо напротив нашего балкона, там, где в темноте угадывались крыши гаражей.

- Тихо, не кричи, — прошелестела Звезда, распространяя мягкое голубое сияние. – Просто направь мне мысль, и я тебя услышу.

Я ничуть не удивилась этому тихому голосу – боже мой, мало ли необычного и особенного в этом мире? Аутизм, например... И на меня вдруг снизошло необычайное, ясное спокойствие. Я перестала чувствовать свое тело, словно мой разум освободился от физических оков и стал автономным. И мысли вдруг стали легкими и ясными, как будто очистились от шелухи случайных слов и ассоциаций. Только она и я, и между нами – прямой луч связи.

- Скажи мне, Звезда, — мысленно позвала я, — зачем нам ниспослано такое испытание?

- Какая разница? Разве от знания что-то изменится? – ответила Звезда.

- Изменится, — твердо сказала я. – Для меня – да. Это придаст мне сил, если я буду знать, почему мой мальчик обречен брести во тьме.

- «Брести во тьме»... - и Звезда засмеялась. Смех у нее был тонкий, серебристый. – Да он куда более зрячий, чем любой землянин, и чем ты – тоже.

- Зрячий? Нет, ну конечно, он не слепой, он все видит. Но не воспринимает! Иногда мне кажется, что он смотрит в другое измерение.

- Так оно и есть, — подтвердила Звезда. – Он не хочет, не может смотреть сюда, на Землю, где бредут во тьме миллиарды зрячих. У него обнаженная душа.

- Обнаженная душа?

- Да. Он слишком честный, понимаешь?

- Не понимаю, — призналась я. – Что ты пытаешься мне сказать? Что значит «слишком честный»?

- Он не может играть по вашим правилам, — объяснила Звезда. – Ему больно...

- Больно – что?

- Ваши души изначально бывают чисты, но стоит вам родиться, и вы постепенно начинаете обрастать коркой. Нарращиваете панцирь, чтобы можно было более или менее сносно существовать. А у него такой корки нет. Поэтому он очень уязвим. У него совсем нет защиты...

- Ну как так «совсем нет»? Ведь я оберегаю его, — удивилась я. – Я окружаю его любовью, занимаюсь с ним, я забочусь о нем, я никому не позволяю его обижать!

- Ты не понимаешь, — слегка качнулась Звезда. – Он чувствует боль человечества как свою. И не может с ней справиться – так она велика. Слишком велика для одной души.

- Но мы все (или почти все!) чувствуем боль человечества. Переживаем, когда где-то катастрофа, помогаем нуждающимся, поддерживаем страждущих, боремся со злом... Мы сочувствуем и сопереживаем! – возразила я.

- Вот именно... Со-чувствуете. Со-переживаете. А он чувствует и переживает. Как будто это происходит с ним, и все одновременно, в одно и то же мгновение. Представь, что ты каждое

мгновение принимаешь на себя за всех и боль утраты и гнев предательства, горькую обиду и лютую ненависть, неизбывную вину и несправедливое обвинение, и еще много всего... Ты бы вынесла?

- Нет, разве такое можно вынести? – испугалась я.

- Вот видишь... Даже с твоей коркой этого было бы слишком много. А он – обнажен, его душа не имеет иммунитета ко лжи, к коварству, к любому злу... И что он может? Только отгородиться, перестать видеть замечать, и реагировать. Уйти в себя, туда, где безопасно.

- Но от этого он становится еще более уязвимым, — сказала я. – Нельзя, невозможно жить среди людей и не вступать с ними в контакт. Он ведь – часть человечества...

- Это ты – часть человечества, — тут же ответила Звезда. – А он – само человечество. Он – как многоканальный передатчик, понимаешь? В нем на разные голоса вещает весь мир. Он так настроен, и с этим ничего не поделаешь...

- Неправда! – отвергла ее слова я. – Я знаю случаи, когда дети с таким же заболеваниями развиваются, начинают говорить и общаться, приспосабливаются к жизни! Их еще называют «люди дождя»...

- Просто у твоего ребенка слишком тонкая настройка, — тихо сказала Звезда. – Одни способны со временем нарастить хоть какую-то корку, а другие – нет. Но они очень, очень нужны Вселенной, поверь!

- Ты сказала – «передатчик», — вспомнила я. – А кому и что он передает?

- Нам. Звездам, — просто ответила она. – Вы все бредете во тьме. Вы совершаете множество нелогичных и разрушительных поступков, из-за которых жизнь на Земле может прерваться в любую минуту. Вы изобретаете все новые и новые способы уничтожения друг друга и окружающей среды, не задумываясь о последствиях. Если мы будем знать, мы сможем вам помогать. Но ваши умы засорены искаженной информацией, ваши чувства все время лгут вам, а ваши души разучились видеть. Некоторые способны различить частности, но уже не могут охватить целостность. А вот «люди дождя» эту способность сохранили. Они передают информацию в чистом виде, такой, какая она есть. Что ж поделаешь, если она такая страшная...

Я молчала. В моей голове мгновенно пронеслись мысли о техногенных катастрофах, бездумном и опасном использовании атомной энергии, грязных политических играх, оружию массового уничтожения, генетических экспериментах... Мой бедный мальчик! Как же все это принимать на себя, если корки нет, и душа так и не смогла огрубеть...

- Представь себе сеть, — помолчав, сказала Звезда. – По всей планете разбросаны вот такие «передатчики». И Звезды имеют полную картину того, что творится на Земле. Благодаря этому, нам до сих пор удавалось вас спасать. Иногда – в последнюю секунду, но удавалось. Понимаешь, как важна их миссия?

- Пока что я поняла только одно: он переполнен ужасом, — горько сказала я. - Ему невыносимо страшно выйти из своей скорлупы и попасть в наш безумный мир. Мы-то привыкли, мы уже разучились бояться. Мы просто живем! А он... Слишком ранимый... Слишком чистый для этого несовершенного мира, где каждый бредет во тьме, и немногим удается пробиться к Свету.

- Ты спрашивала – «зачем?». Зачем это происходит с ним – ты теперь знаешь. Поняла ли ты, зачем это происходит с тобой?

- Да, — отвечала Звезде я. – Я должна еще тщательнее охранять и беречь его, чтобы он мог выполнять свою миссию. Я должна помогать ему всем, чем смогу. И еще – я не должна дать ему упасть.

- Ты правильно поняла, — кивнула мне Звезда. – Ты сможешь, потому что в душе каждой мамочки такого ребенка сияет свет Звезды. Он дает вам силу.

И она протянула ко мне тонкий голубой лучик, который легко коснулся моей груди, словно мягкая ладошка.

- До встречи, — шепнула Звезда и стала подниматься вверх, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. – Я полетела делать свое дело, а ты делай свое. Прощай...

Я до сих пор не знаю, что было там, на балконе. Действительно ли ко мне спустилась Звезда, или я все это придумала, или почудилось... Впрочем, мне все равно. Главное, что после этого я обрела уверенность и ясность. Если мой сын – «особенный» ребенок – что ж, мне предстоит стать «особенной» мамочкой.

Мне все еще снится мой сон с двумя ночными шоссе, но теперь он немного другой. Я так же иду по верхней дороге, а сыночек – по нижней. Он так же погружен в себя и не видит поворотов. Но я уже не та, что прежде: во мне нет тревоги, потому что от меня к нему тянется тонкий голубой лучик, соединяющий нас надежно и крепко. Этот луч словно поводок, а я – поводырь. Я веду своего мальчика по дороге жизни. И я знаю, что проведу его по краю любой пропасти, и не дам ему упасть, чтобы он смог выполнить то, что ему предначертано судьбой.

Так мы и движемся по нескончаемой ленте шоссе, а выше и ниже идут, едут, летят, спешат в будущее другие такие же люди, живущие на нашей планете. И пусть все мы пока Бредущие во Тьме – у нас есть сеть из «людей дождя», и, наверное, есть еще какие-то средства высшей защиты, и главное – за нами наблюдают Звезды, и я верю, что когда-нибудь мы все обязательно придем к Свету.

Автор: Эльфика

УБИТЬ НАДЕЖДУ

Жил был один Мудрец, к которому многие приходили за советом. Мудрец жил отшельником, был скуп на слова, часто говорил загадками, но каждый все равно получал ответ на свой вопрос.

И вот однажды явилась к Мудрецу женщина. Она была собрана и сурова, и голова ее была опущена вниз, словно там, под ногами, было что-то, что ей хотелось бы растоптать.

- У меня родился ребенок, и он болен. Говорят, что болезнь врожденная, и что вылечить ее нельзя. Но я слышала, что твоя мудрость творит чудеса. Я очень на тебя надеюсь. А надежда, как известно, умирает последней. Скажи, что мне делать, чтобы мой малыш

излечился?

- А на что ты готова для этого? – спросил Мудрец.

- На все! – пылко ответила женщина. – Я сделаю все, чтобы ребенок был здоров.

- Тогда для начала убей надежду, — посоветовал Мудрец.

- Что??? – вскричала женщина. – Ты советуешь мне перестать надеяться, опустить руки??? Да ни за что!

- Убей надежду, — настойчиво повторил Мудрец и прикрыл глаза.

Женщина шла от него, пылая праведным гневом. Она была очень обижена на Мудреца. Она возлагала на него такие надежды, а он их не оправдал, и сказал ей такое, что сразу настроило женщину против него.

- Убить надежду! – яростно бормотала она. – Это надо же такое посоветовать несчастной матери? Никакой он и не Мудрец, и мудрость его – липовая. Я буду надеяться, и мой мальчик обязательно выздоровеет!

И женщина отправилась к докторам. Доктора осмотрели его и сказали, что болезнь тяжелая, и лечить ее долго и трудно, но есть надежда.

- Значит, все-таки есть! – обрадовалась женщина и напряженно стала ожидать чуда.

После лечения ребенку стало лучше, но болезнь никуда не ушла – просто затаилась на время, а потом вспыхнула с новой силой.

- Ничего не можем сделать, — развели руками врачи. – Только поддерживать. А потом, всегда есть надежда, что вот-вот изобретут новейшее лекарство, и тогда...

Но женщина решила не ожидать новейшего лекарства, а понесла ребенка к бабкам, экстрасенсам и прочим целителям. Она надеялась, что уж или народная медицина, или сверхъестественные способности подействуют на болезнь. Но ни отливание воска, ни нашептывание на воду, ни пассы над телом ребенка не оправдали ее надежд.

Тогда женщина решила поехать в монастырь, где была чудотворная икона и помолиться перед ней о выздоровлении ребенка. Она и свечи ставила, и молебны заказывала, и молилась денно и ночью, но когда вернулась домой, никаких изменений не обнаружила – дитя все так же болело.

Больше обращаться было не к кому – похоже, ее надежда умерла.

- Мудрец! – вспомнила она. – Это он убил мою надежду. Надо пойти и высказать ему все, что я о нем думаю.

Она прибежала к Мудрецу поздним вечером, когда было уже темно, а на небе горели звезды. Но он не спал – сидел у порога и словно бы ждал ее.

- У меня больше нет надежды! – гневно крикнула она. – Это ты во всем виноват! Ты зародил во мне зерно сомнения! Зачем ты сказал мне тогда эти слова? Если бы я и дальше надеялась, то все бы изменилось...

- Ничего бы не изменилось, — покачал головой Мудрец. – В тебе было очень много Надежды, но совсем не было Веры. А значит, и результат был неоднозначный – так, 50 на 50.

- О чем ты говоришь? – устало спросила женщина. – Ведь надеяться на Чудо – это единственное, что мне оставалось.

- Нет. Был и другой выбор – ВЕРИТЬ в Чудо. Верить в то, что оно непременно случится. Верить в то, что Всевышний посылает тебе именно то, в чем ты нуждаешься для совершенствования души. Надежда – это зыбкие волны, Вера – это твердыня и опора. Надежда – это порхающие светлячки, Вера – это мощный маяк. То, на что мы надеемся – может произойти, а может и нет. То, во что мы верим, происходит всегда. Во что ты верила до сих пор, женщина?

- В то, что нам помогут, — тихо ответила она. – В то, что найдется какой-то человек, или лекарство, или еще какой-нибудь способ уничтожить болезнь.

- И это проявлялось в твоей жизни, — кивнул Мудрец. – Но ты не верила в конечный результат. Просто надеялась...

- Я не надеюсь больше, — сказала она. – Я исчерпала запасы своей надежды до дна.

- И теперь тебе остается два пути: или впасть в отчаяние и обозлиться на весь мир, или начать, наконец, ВЕРИТЬ. Во что ты хочешь верить сейчас? – спросил Мудрец.

- Я уже не знаю, — покачала головой женщина. – В голове моей полный сумбур и нет ни одной связной мысли.

- Посмотри на звезды, — предложил Мудрец. – Можно ли надеяться, что они были созданы для нас? Нет, нам не дано знать замысел Творца. Но в это можно верить! И тогда для тебя так и будет, и душа твоя наполнится светом звезд. Я вот – верю, что это так, и мне приятно думать, что звезды светят для меня.

- А говорили, что ты немногословный, — вдруг вспомнила женщина.

- Я разговариваю только с теми, кто способен меня услышать, — ответил Мудрец. – С теми, кто потерял Надежду, но готов обрести Веру. Так во что ты хочешь верить?

- В то, что Всевышний нам поможет, — чуть помедлив, сказала женщина. – В то, что я справлюсь – как бы не повернулась ситуация. В то, что мой малыш может быть частливым – даже если он никогда не поправится! Я верю в это, и никто не сможет отобрать у меня мою Веру! Я верю в себя, верю в моего мальчика, и верю, что все сложится наилучшим для нас образом!

- Я рад за тебя, женщина. И теперь я пойду отдыхать, а ты отправляйся домой – к своему ребенку. У вас все будет хорошо. Я в тебя верю.

И Мудрец скрылся в своей хижине.

А женщина пустилась в обратный путь, но теперь она смотрела не под ноги, а в небо – туда, где мерцали звезды.

- А еще я верю, что вы созданы для меня! – сказала она звездам и пошла дальше, чувствуя, как душа ее наполняется звездным светом.

Автор: Эльфика

ТАНЕЦ РАДОСТИ

Жила-была на свете бабочка, и звали ее Анюта. У нее были очень красивые крылышки – желто-фиолетовые, с черными крапинками-ресничками, просто загляденье!

Анюта родилась в чудесном местечке, в ветвях старой Сирени, и по праву считала ее своей крестной. Сирень любовалась малышкой и при каждом удобном случае учила ее уму-разуму.

Бабочка Анюта была совершеннейшей непоседой, она ни минутки не могла усидеть на месте – все время порхала, кружилась, куда-то летела, потому что ей было очень интересно жить. У нее было много знакомых, и еще загадочная подружка – Тополиная Моль, такая же юная и непоседливая, как она сама. Она родилась по соседству, на Тополе, и сошлась с бабочкой Анютой на почве общих интересов: обе любили танцевать и часто кружились в Танце Радости, придумывая все новые и новые па.

Время от времени бабочка залетела в открытые форточки жилых домов, чтобы посмотреть – а как там, у людей? Она уже неоднократно проникала в их жилища, и знала, что у всех все устроено по-разному и совсем не так, как у бабочек. Но тем не менее ее все равно тянуло к людям.

- Зачем ты это делаешь? – недоумевала старая Сирень. – Люди – это же так опасно! Они могут тебя раздавить и даже не заметят.

- Ничего подобного, — вмешивалась юная Моль. – Вот я залетела тут к одним и станцевала для них свой Танец Радости, так они были просто в восторге! Они все повскакивали с мест и стали мне аплодировать! И еще бегали за мной – наверное, автограф взять хотели! Так и хлопали, пока я не скрылась со сцены в открытую форточку.

- Ты просто звезда! – в восторге хлопала нежными крылышками бабочка Анюта. – Тебе уже рукоплещут зрители!

- Рукоплещут им, — ворчала Сирень. – Хлопают им... Смотрите, как бы вовсе не прихлопнули!

Но подружки беспечно отмахивались и снова куда-нибудь разлетались, потому что в мире было столько интересного, чего они не видели!

И вот однажды бабочка залетела в распахнутое окно и увидела девочку. Очень грустную девочку, бледную, худенькую и с печальными глазами. Девочка лежала в кровати и смотрела в потолок. Но тут она заметила красивую бабочку и очень обрадовалась. Даже чуть-чуть улыбнулась.

- Привет! – сказала она, во все глаза глядя на бабочку.

- Привет! – охотно отозвалась та. – Я – бабочка Анюта. А ты кто?

- Я??? Я тоже Анюта, — удивилась девочка. – А разве бабочки Анютами бывают???

- Еще как бывают, — успокоила ее бабочка. – Я же есть? Значит, бывают! А ты чего среди бела дня лежишь в постели? Давай, вылезай, выходи на улицу, там такой чудесный денек!

- Я не могу, — опечалилась девочка. – Я больна, и у меня постельный режим.

- И давно он у тебя? – поинтересовалась бабочка.

- Давно. У меня от болезни а-не-мия. Это когда слабость, грустно, нет аппетита и ничего не хочется.

- По-моему, это не от болезней бывает, а от недостатка впечатлений, — со знанием дела сказала бабочка. – Если бы я только и делала, что сидела на ветке, у меня давно бы крылышки завяли. Их же постоянно тренировать надо!

- А мама говорит, что мне надо лежать, — вздохнула девочка Анюта. – А еще надо слушаться врачей и пить горькие лекарства. Тогда я, может быть, еще и выздоровею. Хотя они очень противные и совсем невкусные.

- Врачи или лекарства? – задрожала от смеха бабочка. – Впрочем, я думаю, и те, и другие! Знаешь, по-моему, тебя как-то неправильно лечат, поэтому тебе и невкусно. Тебе надо срочно возвращать

вкус к жизни! Хочешь, я научу тебя Танцу Радости? Мы, бабочки, замечательно умеем его танцевать! Знаешь, как это красиво, когда много-много бабочек кружатся в Танце Радости? Хочешь с нами?

- Хочу. Только не могу, — жалобно сказала девочка Аня. — У меня ножки не ходят.

- Как? Совсем не ходят? — поразилась бабочка. — Такие молодые ножки — и не ходят? Не может быть!!! Наверное, они просто уснули. И видят сладкий сон. Поэтому им просыпаться не хочется.

- Наверное, — уныло отозвалась Аня, и на глазах ее показались слезы.

- Эй, эй! А ну-ка, не реви! — обеспокоилась бабочка Аня. — Слезами горю не поможешь! Тут надо по-другому действовать!

- А как? — с надеждой глянула на нее девочка Аня.

- Не знаю пока. Надо подумать! — ответила бабочка. — Я, пожалуй, сейчас полечу. Посоветуюсь кое с кем... А ты меня жди! Прилечу завтра, в это же время!

- Хорошо, я буду ждать! — прошептала ей вслед девочка, совершенно очарованная полетом дивной бабочки.

... Моль и бабочка Аня держали совет, устроившись на ветви старой Сирени.

- Ну зачем вам это надо? — вразумляла их Сирень. — Можно подумать, вы что-то понимаете в человеческих болезнях! Занимайтесь своим делом, что вам до этой девочки?

- Но ведь и правда жалко, что она не может своими глазами увидеть, как красив мир! — возражала Тополиная Моль.

- А вы-то тут при чем? Вы — создания крылатые, ваше дело — летать! Нет вам до нее никакого дела! — упорствовала Сирень.

- А мне есть до нее дело! — упрямо сказала бабочка Аня. — Маленькие девочки должны порхать и веселиться, как бабочки, а вовсе не скучать, лежа в постели. И мне кажется, я кое-что придумала...

На следующий день бабочка Аня прилетела к своей новой подружке и сразу заявила:

- Знаешь что? Я тут подумала, что учиться танцевать можно и лежа. Танец Радости — это такая заразительная штука! Ты будешь мысленно танцевать, и рано или поздно твои ножки сами захотят пуститься в пляс. Ты как, согласна?

- Согласна! Согласна! — обрадовалась Аня. — Только... А вдруг не захотят?

- Ну, по крайней мере, удовольствие получишь! — заявила ей бабочка Аня. — Не робей, тетка, все у нас получится! Познакомься, вот это моя подружка — Моль. Сейчас мы тебе покажем разные фигуры этого танца. А ты смотри и повторяй!

И бабочка Аня вместе с Тополиной Молью закружились по всей комнате, вверх, вниз и по диагонали, выписывая самые замысловатые фигуры и пируэты.

- Примечай, повторяй, не ленись, успевай! — напевала в такт бабочка Аня. — Этот Танец Радости прогоняет гадости! Кто умеет танцевать — того болезням не догнать! Летаем, порхаем, о хворях забываем! Ножки, просыпайтесь, к танцу подключайтесь!

Наконец, Моль и Бабочка вдоволь напорхались и присели на стенку прямо возле девочки Ани.

- Ну как? — спросила запыхавшаяся Моль, отряхивая крылышки.

- Здорово! — засмеялась девочка. — Мне кажется, что я и сама летала вместе с вами. Но вот ножки... Они так и не проснулись!

- Это ничего, — утешила ее бабочка Аня. — Значит, просто слишком крепко спят. Но им все равно снится, что они танцуют. Проснутся, дай срок!

Теперь каждый день неугомонные подружки прилетали к девочке Ане, чтобы поупражняться в Танце Радости. И с каждым днем они отмечали новые перемены, происходящие в Ане. Вот она уже стала частенько улыбаться... Вот похвасталась, что к ней вернулся аппетит... Вот и румянец заиграл на ее щеках... А вот и ножки в первый раз шевельнулись! Танец Радости явно приносил свои плоды.

Конечно, Аня рассказывала маме о своих новых подружках. И несколько раз мама даже видела бабочку Аню своими глазами.

- Да, очень красивая бабочка, — согласилась мама. — Не обижай ее, ладно? У бабочек очень хрупкие крылышки. А так — пусть сидит. Хорошо, что у тебя теперь есть подружка!

В то, что бабочка умеет разговаривать и даже преподавать уроки танцев, мама, разумеется, не поверила. Ох уж эти взрослые! Они верят в горькие таблетки, но не верят в чудеса! Но Анютка расстроилась так, самую малость. Потому что Танец Радости приносил свои плоды, и она теперь вообще редко грустила! Потанцуй-ка каждый день, хоть и мысленно — времени на всякие глупости вроде грусти просто не останется!

... А потом стало холодать. Как известно, жизнь бабочек, как, впрочем, и молей, длится совсем недолго — только пока тепло. А потом они должны уснуть, потому что так устроено в природе.

- Что же делать? — обеспокоенно вопрошала Тополиная Моль. — Мы же не довели начатое дело до конца! Мы-то уснем, мы привычные, а как она без нас?

- Говорила я вам, неразумные вы создания, — ворчала давно отцветшая, готовящаяся на зимовку Сирень. — Вечно встряпаетесь куда-то, а потом уж думать начинаете. Одним словом, мозгов — как у насекомых! Слышь, крестница! Ну и как ты ей скажешь, что скоро умрешь??? Вот как теперь она отвыкать от вас будет? Небось, плакать начнет, печалиться! Еще хуже ей станет, чем было!

- Не станет, — решительно встряхнула крылышками бабочка. — Я кое-что придумала!

И на следующий день она прилетела к своей маленькой теще и с воодушевлением сообщила:

- Ты знаешь, Анютка, меня срочно вызвали в теплые страны! Я должна улететь. Буду преподавать там Танец Радости.

- А я??? — в панике приподнялась с постели Анюта. — Как же я??? Я же еще не разбудила свои ножки!!! И потом... Я что, больше тебя никогда не увижу?

- Тихо, моя дорогая. Без паники! Я как раз хотела сообщить тебе радостную новость: все идет отлично! Зимой ты будешь тренироваться самостоятельно. Весной ты уже начнешь вставать — это я тебе точно говорю! А когда станет совсем тепло... Ты подойдешь к окну — только обязательно сама, на своих ножках! Выглянешь и увидишь там... не скажу — что, сама увидишь. Я подам тебе Знак, ты сразу поймешь, что это от иеня.

- А что потом?

- А потом ты сможешь танцевать Танец Радости каждый день и научить ему других. И однажды ты приедешь ко мне, в теплые страны, где мы обязательно станцуем вместе! Как тебя такая идея?

- Мне жалко, что тебе надо улетать, — проговорила девочка. — Но я очень, очень хочу увидеть дальние страны!

- Тогда танцуй! — взмахнула крылышками бабочка Анюта. — Танцуй каждую свободную минутку! Танцуй даже во сне! И разговаривай со своими ножками, объясняй им, как это хорошо — двигаться, бегать, танцевать! И знай — НИЧЕГО!!! НЕВОЗМОЖНОГО!!! НЕТ!!!

... Всю зиму девочка Анюта радовала маму и врачей своими достижениями. Все они были удивлены, потому что Анюта уверенно шла на поправку. А ее ножки... Они все чаще просыпались и начинали двигаться! Анютка разговаривала с ними, рассказывала им разные истории, гладила их и приглашала потанцевать. Ну хоть полчаса! А потом мысленно, помогая себе руками, старательно вспоминала фигуры Танца Радости. Ей очень, очень хотелось научить ножки танцевать его!

И однажды ножки согласились! Они послушно свесились с кровати и удержали Анютку, когда она оперлась на них. В следующий раз ей удалось сделать несколько шажков. Потом вернуться... И в один прекрасный день она сумела самостоятельно дойти до окна. Рядом с ней шла мама, готовая, если что, подхватить ее на руки. Но Анюта не упала! У нее все получилось, она смогла!!!

Больше всего она боялась, что бабочка Анюта ее обманула, и там, за окном, она не увидит ни-че-го такого, что было бы похоже на Знак. Но это оказалось не так! Там, под окном, было много-много бабочек Анют, с фиолетово-желтыми крылышками в черную крапинку. Они все смирно сидели на земле, никуда не взлетая, и это было очень, очень красиво!

- Мама, мамочка! Смотри, какие бабочки! — восторженно закричала девочка. — И сколько же их! Наверное, она пригласила всех своих друзей, чтобы мы вместе станцевали Танец Радости!

- Это не бабочки, милая моя фантазерка, — покачала головой мама. — Это цветочки такие.

- Цветочки? Какие цветочки? — не могла поверить девочка.

- Они называются «анютины глазки», — пояснила мама. — Красивые, правда? Они будут радовать нас все лето. Хотя меня больше всего радует то, что нам тебя удалось поднять на ноги. Это просто чудо какое-то!

- Я все поняла, это Знак! — сообразила Аня. — Это Знак от моей подруги, бабочки Анюты. Анютины глазки! Ну точно — она прислала! Из теплых стран! Мама, а мы можем спуститься туда, вниз? И немного потанцевать?

- С удовольствием! — обняла ее мама. — Я так давно мечтала, что мы когда-нибудь сможем вместе потанцевать!!!

- А еще я должна научить Танцу Радости других людей, — пробормотала девочка Аня. — Я же обещала!

И вскоре старая Сирень, благоухающая на весь белый свет, любовалась, осыпала двух женщин — маленькую и большую — своими лепестками и тихо шептала:

- Ах! Как танцуют! Как порхают! Бабочки! Чисто бабочки! Нет, все-таки нет в этом мире ничего лучше, чем Танец Радости!

Автор: Эльфика

СВЯЗНИК И АНГЕЛ

Доктор был настоящий. Не просто доктор, а доктор наук. Светило. Молодой, успешный, деловой. И сейчас он должен сказать. Дать нам шанс. Осветить мне путь. Пожалуйста! Мы уже были везде, где можно: обследовались у лучших врачей, обращались к потомственным колдуньям, ставили свечи в церкви и просто шепотом молились на ночное небо. Это наша последняя надежда. Дальше – только Господь Бог.

В груди что-то мелко-мелко, противно вибрировало. Не то надежда, не то страх. Да что же он медлит, в конце концов?

То, что сказал доктор, было приговором. Окончательным и обжалованию не подлежащим. Мой ребенок, мой мальчик, мой любимый малыш никогда не будет видеть. Никогда.

Вибрация нарастала, превращаясь в боль. Эх, светило, какой же ты светоч?! Что же ты не оставило нам ни одного лучика надежды?

Наверное, я все-таки сильная. Как-то я добралась до дома. Аккуратно повесила пальто на плечики. Что-то там выложила из сумки. Вошла в комнату. И тут вибрация стала неуправляемой, маховик пошел вразнос. Меня стремительно стала заполнять темнота, и это было облегчение. По-моему, я даже засмеялась. И отдалась спасительной Темноте.

- Мама, мама! Да мама же! Мааааам... — кто-то настойчиво тряс меня за плечо, не давая окончательно забыться.

Пришлось открыть глаза. Наверное, я умерла. Вокруг не было привычного мира. Были какие-то цветные пятна, некоторые из них передвигались. Все было размытым, разноцветным, неопределенным. Впрочем, нет, я не умерла. Потому что чувствовала запахи и звуки – много, очень много, гораздо больше, чем я могла опознать и определить.

- Мам, да ничего ты не умерла! – с досадой сказал кто-то совсем рядом. – Ну посмотри же на меня!

Я поняла, что цветное пятно симпатичного василькового цвета, с золотыми вкраплениями, почему-то зовет меня мамой.

- Ты кто? Это что? Где я? – собрала я в кучу все глупые вопросы. Но они меня очень занимали сейчас.

- Мам, это я, твой сын. Если ты перестанешь бояться, ты почувствуешь.

От пятна веяло какой-то надежностью, нежностью и озорством. Как от сына. Я вдруг совершенно перестала паниковать.

- Мама, ты просто попала в мой мир. Я его вот так вижу. А ты?

- Ты – мой сын? – все-таки спросила я, хотя уже знала ответ. Так, по инерции спросила.

- Ну ты же чувствуешь. Глаза можно обмануть, а чувства не ошибаются. Я – твой сын, ты – моя мама, и я тебя люблю.

Пятно потянулось ко мне, и меня захлестнула волна нежности – как бывало всегда, когда мой детеныш обнимал меня и говорил: «Знаешь, как я тебя люблю? До неба!». И хотя он сейчас говорил совсем не так, как обычно говорят шестилетние малыши, я твердо уверовала: да, это мой ребенок.

- Вот смотри! Это – наша драцена, — показал мне сынуля.

Драцена излучала важность и спокойствие и была похожа на зелено-оранжевую медузу.

- Вот телевизор! – продолжал он.

Телевизор выглядел угловатым пятном – грязно-коричневым, с красными, фиолетовыми и болотными мазками, и от него веяло неприязнью, спесью и агрессией. «Господи, что за монстра мы держим в комнате!», — мимолетно подумала я.

- Я вижу мир совсем по-другому, — медленно сказала я. Там все такое четкое, резкое, и все сразу понятно — что есть что.

- Это — твой способ, — мягко сказал сын. — Потому что ты смотришь наружу. А я — внутрь.

- Зачем? — тупо спросила я.

- Ну кто-то же должен смотреть внутрь, — объяснил сын. — Когда тебя ничто не отвлекает, проще разговаривать со Вселенной. Когда тебя не обманывают глаза, можно черпать информацию напрямую, из первоисточника. И еще очень хорошо думается.

- Когда мне этого хочется, я медитирую, — зачем-то сообщила я.

- А я медитирую всегда, раз уж есть такая возможность, — улыбнулся сын. Ей-Богу, я не видела, но почувствовала, как он улыбнулся!

- Мама, почему ты плачешь? — спросил он.

- Мне грустно. Я так мечтала, что ты будешь расти, бегать, шалить. Я научила бы тебя читать, и ты прочел бы много интересных книжек с яркими картинками. А потом мы с тобой поехали бы путешествовать, и ты увидел бы дивные места — реки, горы, цветы на лугу. А потом ты поступил бы в институт. И научился бы кататься на горных лыжах. Мне так жаль, что всего этого не случится. Поэтому я плачу.

- Ты очень интересно все рассказываешь, — тихо сказал он. — Спасибо тебе. Но мы совсем не так договаривались. Ты просто не помнишь.

- Договаривались? — не поняла я.

- Да, мамочка. Все будет по-другому, еще интереснее. Я специально родился таким, для тебя. Мы так договорились. Ты захочешь помочь мне. Будешь искать новые пути, пробовать разные способы. В какой-то миг ты примешь решение — найти других людей, которые могут помочь. И которым нужна помощь. И ты сделаешь это! Вас будет все больше и больше, и вы сможете очень многое сделать друг для друга. И для всего мира. Вы научитесь творить Волшебство. И это будет счастье, потому что мы все будем — Семья. Такая большая Семья добрых волшебников.

- Но я хочу помочь тебе, моему сыну! — отчаянно вскричала я.

- И я хочу помочь тебе, — нежно ответил он. — Ты мне очень нужна. Ты будешь моими глазами, моим Ангелом. А я буду твоим Связником.

- Связником? — переспросила я.

- Да. Нужна же тебе постоянная связь со Вселенной! — весело сказал сын. — Это то, что я реально могу для тебя сделать.

- Но как... — начала я.

- Просто делай, — прервал меня сын. — Просто начни с чего-нибудь. Мы будем вместе расти. И я, и ты. Ты — даже больше, чем я. И у нас появится куча друзей. И море возможностей, которые тебе и не снились. Ты узнаешь, что такое настоящие Чудеса. Что там горные лыжи! — завеселился он.

- Ты говоришь... как взрослый, — сказала я.

- Я и есть взрослый. Здесь, внутри, — очень серьезно ответил мне сын.

- Я так люблю тебя, — сказала ему я.

- Да, мам, я это знаю.

Я чувствовала, как он прижимается ко мне, и мне было светло и хорошо.

- Мам, счастье — это не глаза. И не ноги. И даже не любимые люди. Оно просто существует. Независимо ни от чего. Оно не снаружи. Оно внутри!

И я поняла, что мой малыш, который смотрит внутрь, правда видит там Счастье. А я, снаружи — не всегда. Он был умнее, правда. Но сейчас и я ощущала присутствие Счастья.

- Мама! Маааааа! — кто-то тряс меня за плечо.

Я выплыла из темноты. В глаза ударил резкий свет, и предметы все показались какие-то острыми, угловатыми, и цвета до того аляпистыми, что резали глаз. На глаза мне попался телевизор. «Надо немедленно от него избавляться!» — мимолетно подумала я.

Я сообщила, что лежу на диване, а мой малыш трясет меня за плечо и зовет, зовет меня.

- Мааам, что с тобой? – тревожно спрашивал сынуля.

- Ничего страшного. Я просто устала. Но я уже отдохнула, — сказала я, прижимая к себе свое Счастье.

- Ты мой Связник, — нежно сказала я.

- А ты – мой Ангел, — похоже, он меня понял.

Наверное, так и становятся Ангелами. Благодаря Связникам.

Впереди у нас была долгая, счастливая жизнь, полная Чудес.

Автор: Эльфика

ДЕРЖИСЬ, МИШКА!

Жил-был мальчик Мишка. Сначала он был как все, а потом стал особенный. Он сам слышал, как маме врачи рассказывали, как нужно себя вести с «особенным» ребенком.

А особенного в Мишке было то, что на него напала Тяжелая Болезнь. Мишка был мальчик сильный и храбрый, но тут ничего сделать не смог, потому что эта Болезнь была коварная, напала из-за угла, без предупреждения, и сразу кааак навалится на Мишку! И придавила его – ведь Мишка все-таки маленький, а Болезнь недаром тяжелой называлась, тяжести в ней ого-го сколько было!

Стал Мишка вялый и скучный, и аппетит совсем пропал. Врачи его лечат-лечат, стараются Болезнь прогнать. Но она хитрая оказалась – вроде притихнет, а потом с новой силой нападает. У Мишки силенок все

меньше остается, он и с постели встать уже почти перестал. И от скуки стал он сочинять всякие истории. Что видит – про то и сочиняет. Про Солнечных Зайчиков и про Больничные Тапочки. Про то, как Белый Халат мечтал стать разноцветным и что из этого вышло. Про маленькую Звездочку, которая заглядывала к нему в форточку, и про старую Ворону, которая часто прилетала на дерево, что виднелось за окном. С этими историями Мишке стало жить веселее, и болезнь в очередной раз отступила.

Сначала сам для себя сочинял, а потом вдруг подумал: тут же много детей лежит, почему бы и их не порадовать? Тогда он попросил тетрадку и ручку, записал несколько историй красивым почерком и попросил медсестру тетю Наташу передать тому, кому сейчас грустно или плохо. Та, конечно же, передала. А потом пришла и еще попросила – сказала, что от Мишкиных историй у детей настроение поднимается, и даже анализы у них вспоминают о правилах приличия и выдают симпатичные цифры. Доктор так и говорит: «Приличные анализы, надо же!».

Мишка и рад стараться – пишет и пишет. Тут Болезнь про него вспомнила, решила снова напасть. Явилась – а Мишка строчит, на нее внимания не обращает. Болезнь на него навалиться хотела, а он отмахивается:

- Отстань, Болезнь, не видишь – я занят? Мне как раз сказку закончить надо и еще одну написать.
- Ты чего это? – возмутилась Болезнь. – Давай-ка, откладывай все дела – болеть пора!
- Ничего не знаю, — говорит Мишка, не поднимая глаз от тетрадки. – Некогда мне. Ты в другой раз приходи, если что.

Болезнь оторопела от такой наглости, потопталась у порога и ушла. Она, конечно, потом еще приходила, и еще, только как ни придет – Мишка все пишет да пишет. Как будто в розетку включенный! А когда пишет – обо всем забывает, глаза горят, щеки розовеют, даже волосы дыбом, потому что энергия его переполняет.

И вот однажды Болезнь обозлилась и решила, что надо это дело прекращать! А то что за наглость – ее уже и замечать не хотят! На этот раз она хорошо подготовилась: взяла с собой и веревки, чтобы связать по рукам и ногам, если сопротивление окажет, и дубинку, чтобы оглушить в случае чего, и еще много всякой всячины. Время она выбрала ночное, чтобы Мишка в это время не писал, ведь свет по ночам тушат. Да и рядом никого не будет – некому Болезни будет помешать!

- Ну, мальчик, теперь-то тебе от меня не скрыться! – злорадно сообщила Болезнь, подкравшись к его кровати. – Утащу я тебя с собой, и ничего ты мне не сделаешь!
- Не утащишь! – храбро ответил проснувшийся Мишка. – Я уже не тот, что был, я тебе не дамся.
- Да кто ж тебя спрашивать станет??? – взревела уязвленная Болезнь, набросилась на него и схватила за горло.

Но поскольку Мишка о ней в последнее время почти забыл, страхами и печалью своими ее давно не подкармливал, Болезнь сильно усохла и была уже не тяжелая, а так – средненькая. Но все равно, Мишка почувствовал, как наваливается привычная слабость и откуда-то из глубины поднимается паника. «Чем бы ее стукнуть?», — подумал он, шаря руками по сторонам. Но, как назло, ничего подходящего не было, только тетрадка со сказками. Он схватился за нее, как за спасательный круг, а Болезнь тем временем уже взвалила его на плечо и потащила куда-то в темноту. Мишка знал, что

Болезнь время от времени кого-то уносит, но он вовсе не хотел быть этим самым «кем-то» — ведь у него еще столько историй осталось недописанными!

И вдруг... Он услышал, как кто-то завопил во все горло: «Мишка, держись!!!». Он не понял, кто это говорил, но тоже завопил: «Я тут!!!» и стал изо всех сил сопротивляться Болезни — брыкаться, лягаться и вырываться из ее цепких лап. «Держись, Мишка!», — послышались еще разные голоса, и он почувствовал, что Болезнь кто-то тормозит.

- Мы тут, Мишка! Не сдавайся! Помоги нам прогнать Болезнь!

- Я ничего не вижу, — крикнул Мишка, изо всех сил вертя головой.

- Кто-нибудь! Осветите поле битвы!

- Да, я сейчас! — услышал Мишка, и в ту же минуту сверху зажглась Звезда.

Мишка сразу ее узнал: это была та самая Звездочка, которая смотрела в его форточку, а потом светила в его сказках. А вокруг... Тут были все его герои — те, кого он описывал в своих историях. И все они напали на Болезнь, кто как мог. Солнечные Зайчики слепили ей глаза, Больничные Тапочка шлепали по разным частям тела, а Белый Халат рукавами спутывал Болезни руки.

- Держись, Мишка! — прокаркала Ворона, не прекращая клевать Болезнь в темечко.

- Что вы делаете, изверги??? — рыдала Болезнь, пытаясь вырваться из кольца Мишкиных героев. — Как вы можете со мной так поступать???

- Отпусти ребенка! — требовали герои. — Уходи, убирайся! Не смей его забирать — он нам нужен! Он всем нужен! Его истории нужны людям!

- Да ну вас всех, забирайте вашего мальчишку, дайте мне уйти! — вырывалась из их рук вконец обессиленная Болезнь. — В жизни к нему больше не полезу, клянусь! Помогите, убивааа-юют!

И она позорно бежала с поля брани под свист и улюлюканье Мишкиных друзей. Битва закончилась полной победой, Болезнь была с позором изгнана.

- Спасибо вам, друзья, — сказал Мишка, оглядываясь по сторонам. — Я уж думал, хана мне, на этот раз она меня совсем унесет. А тут вы откуда-то взялись — чудо просто!

- Мы не «откуда-то» взялись, а из твоей тетрадки! — загалдели герои. — Ты же нас создал, как мы могли не помочь своему создателю??? Тем более что ты еще много историй записать просто не успел, мы же знаем!

- Это точно, — согласился Мишка. — Чем больше сочиняю, тем больше идей появляется. Жалко будет, если пропадут.

- Теперь не пропадут, — утешил его Халат. — Теперь ты все-все успеешь написать. И кому-то от твоих историй станет светлее и теплее, и у него появится надежда.

- А как мы отсюда будем выбираться? — спросил Мишка. — Тут ведь нет никаких ориентиров!

- Как это нет? А я? — удивилась Звезда. — Ориентируйся на меня! Раз уж ты меня зажег — я всегда буду твоей Звездой!

- Держись, Мишка! — и Белый Халат подал ему рукав.

- Держись, Мишка! — и Солнечные Зайчики запрыгали перед ним, показывая дорогу.

- Как я смогу отблагодарить вас за мое спасение? — спросил Мишка. — Что я могу для вас сделать?

- Нас не надо благодарить! Мы не за благодарность, мы к тебе просто очень хорошо относимся, — наперебой загалдели герои.

- Но ты можешь сочинить еще много историй, которые спасут других людей, — добавила Ворона. — Это и будет лучшей благодарностью для нас, поверь!

- А Болезнь больше правда не вернется? — никак не мог поверить в такое счастье Мишка.

- Забудь про нее. Пока ты нужен, пока ты делаешь какое-то дело, очень важное для Вселенной — она будет тебя защищать и поддерживать.

- Свети, как я, и будешь выше любой Болезни, — подмигнула Звездочка.

И Мишка, глубоко вздохнув, пошел туда, назад, где его ждали те, кому он мог быть полезным и нужным, и кому он мог протянуть руку помощи сквозь тьму и сказать: «Держись!».

ГОРБУНЯ

Горбуня жила на высокой горе. Гора почти всегда была окутана густым туманом, и мало кому довелось хоть раз в жизни увидеть ее вершину.

К подножью горы подошли двое – мужчина и женщина. Видно было, что они проделали немалый путь. У большого камня, от которого тропинка уходила наверх, они остановились.

Женщина была немолода, но высока, красива, с королевской осанкой и гордо вскинутой головой. Мужчина – большой, но какой-то вялый, с мягкими, добрыми и очень печальными глазами.

- Здесь, — сказала женщина. — Это тот самый камень. Давай присядем. Дальше тебе нельзя.

- Может, не пойдешь? – осторожно спросил мужчина.

- Пойду, — коротко сказала она. — Надо. Кто-то должен.

Через какое-то время она встала, мужчина тоже. Они посмотрели друг на друга и обнялись. Сильно, как в последний раз. Женщина всхлипнула, но тут же взяла себя в руки и отстранилась.

- Я должна, — объяснила она.

- Я понимаю, — сказал мужчина. — Я буду ждать твоего возвращения.

Женщина кивнула, повернулась и, не оглядываясь, пошла мимо камня, туда, вверх, по каменистой горной тропинке. По ее гордой, напряженной спине было видно, что она едва сдерживает слезы. Мужчина смотрел ей вслед, пока она не скрылась в тумане, а потом повернулся и побрел обратно. Он знал, что, возможно, они видели друг друга в последний раз. Не все возвращались с горы. Горбуня сама выбирала, кого принести в жертву.

Женщина шла в сплошном тумане, видно было шага на три, не больше. Было ли ей страшно? Наверное... Но она не позволяла страху проявиться – у нее была цель и твердое намерение, и это был их последний шанс, и ничто не могло помешать ей выполнить задуманное.

Вскоре тропинка стала еще круче, и ей пришлось хвататься за камни, чтобы сделать следующий шаг. На длинных нежных пальцах появилась кровь, но это только придало ей сил. «Я решила, и я сделаю. Я должна!», — говорила себе она и карабкалась дальше.

Вскоре туман начал редеть, и в какой-то момент пропал совсем. Она прошла еще несколько метров, остановилась и оглянулась. У нее захватило дух – такая картина открылась ее взору.

Вверх уходила гора, и казалось, что вершина ее теряется в небе, и, может быть, даже шепчется по ночам с луной. Под ногами – белое облако, подсвеченное золотыми лучами солнца. А над головой – синее-синее небо, и свет, свет, свет...

Женщина встряхнула головой и поспешила дальше. Ей некогда было любоваться – надо было до темноты попасть к Горбунье. До заката...

Тропинка вильнула влево, в заросли колючего кустарника, и женщина, пробираясь сквозь него, изорвала одежду и исцарапала руки, но это все была ерунда – по сравнению с тем, что она надеялась получить. «Все рано или поздно кончается, и эти кусты тоже», — подбадривала она себя. Так оно и вышло: еще пара шагов, и она вырвалась на чистое пространство. И снова замерла: она оказалась на лугу, где паслись овцы и козы, а дальше стоял дом, и еще какие-то строения. И на пороге дома она увидела согбенную фигуру в темных одеждах... «Она! Горбуня... — подумала женщина. — Я пришла». И она двинулась через луг к дому.

- Зачем пожаловала? – оценивающе окидывая ее взглядом, спросила старуха.

- За помощью. Говорят, ты творишь чудеса. Помоги и нам! – попросила женщина.

Видно было, что просить она не привыкла, и слова давались ей тяжело.

- Гордая, — проронила старуха. — Ну, говори, гордая, что там у тебя?

- Внучка... Вот фотография. Здесь ей три месяца. А рядом – дочь.

- Ого... Дочь сутулая какая... Что ж ты ее так согнула-то? А внучка... Горб растет?

- Да. Врачи говорят, отложение солей. Потом будет горб.
- Не отложение, а отражение...
- Какое отражение? Чего отражение?
- Не понять тебе пока. Может, потом... Ну, а от меня чего хочешь?
- Как чего? Чтобы помогли. Говорят, если совсем надежды нет – только к вам. Вы многим помогли, я знаю.
- Ладно. Чем готова заплатить?
- Всем! Просите все, что хотите. Я знаю, вы деньгами не берете. Но вот золото – я все украшения взяла, все до единого! Возьмите! Здесь и с бриллиантами есть.
- Зачем мне тут твои бриллианты, дуреха? Убери. Не надо.
- Тогда... я готова.
- К чему?
- В жертву. Я знаю, вы приносите жертвы. Я готова – за внучку...
- А-а-а... Готова, значит. Ну-ну... Пойдешь ко мне в услужение. На семь лет. Согласна?
- На семь лет?????
- Ну вот. А говоришь, готова.
- Нет, нет! Я пойду. Только я мало что умею...
- Ничего. Научишься. Пойдем, гордая, покажу тебе сарай, где спать будешь. И на все семь лет – обет молчания. Поняла? Говорить буду я. А ты слушать. Вякнешь что-нибудь – выгоню сразу, имей в виду.
- Я поняла. Я буду молчать.
- Подъем с рассветом. Что делать, скажу.
- А когда внучка выздоровеет?
- Откуда мне знать? Может, и никогда. От тебя зависит.
- Я сделаю все, что вы скажете! Только бы она выздоровела.
- Ну-ну... Идем, гордая. Звать-то тебя как?
- Анна. И внучку – тоже Анна. В мою честь.

... Потянулись однообразные дни. Утром надо было вставать с первыми лучами солнца и идти умываться на луг. Воды для мытья горбуны не давала – ее приносили издалека, из горного источника – так что по утрам приходилось просто раздеваться и кататься по росе. Все так делали, и Анна тоже. Она уже знала, что не одна живет в услужении у горбуны. Но разговаривать между собой было запрещено, и каждая жила сама по себе, даже спали в разных местах. Потом завтрак – очень скудный, немного хлеба, немного сыра, козьего молока, похлебка иногда. Пить – только воду. А потом работа, работа и работа. Работы было много. Ее чуть-чуть разбавляли только обед и ужин, а с сумерками уже полагалось спать. Но Анна к этому времени валилась от усталости, и сон у нее получался мертвый, без сновидений.

Первое время Анне было очень трудно. Полная изоляция от мира, ни книг, ни других развлечений – монотонность убивала, работа изматывала, а обет молчания доводил до иступления. Но через какое-то время Анна с удивлением поняла, что молчать ей даже нравится. Столько ненужных, необязательных слов вдруг стало можно не говорить. Столько скучных, но неизбежных встреч отпало... Столько суетных мыслей куда-то ушло! И столько тишины и красоты было вокруг, что в голове вдруг стало так же пусто и просторно, как в небе над головой. Анна с удивлением заметила, что под ногами, в луговой траве, полно разных цветов и мелких насекомых, туман принимает причудливые формы, как будто рисует картины, а камни все имеют свое лицо.

И ритм ее дня стал ей нравится: вставать с рассветом, ложиться с закатом, купаться в росе оказалось очень полезно: на щеках расцвел нежный акварельный румянец, кожа стала гладкой и перламутровой, а волосы попышнели и закучерявились. Теперь по ночам ей снились необыкновенные цветные сны, и каждый раз ей казалось, что во сне в нее вливаются какие-то новые знания.

Она сначала считала дни, а потом бросила – ни к чему. Семь лет – большой срок, но это была ее плата. Если бы для исцеления внучки надо было заплатить больше – она бы заплатила. Тем более что жертва ее оказалась не такой уж страшной – она ведь была настроена на самое худшее.

Однажды, когда Анна остановилась минутку отдохнуть и любовалась причудливыми изгибами тумана, горбунья подошла к ней, помахивая лукошком, и вместо привычных отрывистых команд – куда идти и что делать – вдруг сказала другое:

- Я смотрю, ты уже не держишь спину, как будто кол проглотила?

Анна молчала. Улыбнулась только. Какая спина? О чем это горбунья?

- И в глазах появился огонь. Раньше не было.

Анна молчала. Огонь? Ну, раз так – то пусть.

- Безмятежная ты стала. Спокойная. Так, гордая?

Гордая? О ком это она?

- О тебе, о тебе... Забыла уже? Ну-ка, пойдём. Потолкуем.

Анна двинулась за горбуньей. Та привела ее к зарослям орешника – тут, на горе, рос орешник, как странно... Хотя что такое «странно» в этом странном месте? Анна уже не знала...

- Давай пособираем орехи и заодно поговорим. Не разучилась еще?

- Не знаю, — с трудом разомкнула губы Анна.

Слова выговаривались как-то странно, словно были чужими. И даже лишними.

- Как тебе здесь? Не скучаешь по дому?

- Не знаю, — подумав, честно сказала Анна. Она и правда уже не знала: где она, что с ней, и что ждет ее впереди. Просто не думала об этом.

- Пожалуй, ты готова. Теперь мы можем поговорить. Спрашивай!

- О чем? – слегка наморщила лоб Анна.

- А зачем ты пришла? Неужто и это не помнишь?

- Да нет... Помню. Но они там – а я здесь. Здесь все не так.

- Не так, — впервые улыбнулась горбунья. – Ты хочешь туда, в твой мир?

- Не знаю, — с удивлением сказала Анна. – Честно, не знаю. Там я всем была должна. А здесь – только тебе.

- Не мне. Себе, — поправила горбунья. – Расскажи мне, кому ты была должна там, внизу?

- Всем. Родителям. Семье. Детям. Обществу. От меня все время ждали каких-то достижений, и я стремилась оправдать надежды. Я не могла их подвести. Даже когда мне было смертельно плохо и хотелось выть, я «держала лицо» — лишь бы не показать, что мне плохо. Я стойко переносила все удары судьбы, и ничто не могло меня сломить.

- То-то у тебя спина была, как у английской королевы, — вставила старуха, с наслаждением кидая в рот спелый орешек.

- Спина? Не знаю. Может быть. Да, наверное! Я несла на себе ответственность – за себя, за мужа, за детей, за работников своих, за подруг, за всех. Если кому плохо или помощь требуется – я тут как тут, всегда готова. Королева-мать. И чтобы не сломаться – высоко поднимала голову и держала спину. И детей своих учила тому же – не показывать слабости, идти по жизни с гордо поднятой головой.

- Догордилась. Видела я твою дочь – спина колесом. Вылитая ты!

- Я? Но вы ведь сами говорите, что «как кол проглотила».

- Ага. Говорю. Это снаружи. А внутри – колесом. Нельзя взваливать на себя ответственность за целый мир. Он большой! А ты маленькая. Такой груз ответственности кого хочешь согнет. Дуреха...

- Почему груз ответственности?

- А что, нет? Если ты решила, что за все в ответе, то как же не груз? И дочку свою, похоже, тому же учила?

- Да... Учила. А как иначе? Если я сама такая... Только я ее учила спину прямо держать!
- А она раз – и не выдержала... Знаешь историю про соломинку, которая переломила спину верблюду? Последнюю соломинку? Ну вот... Для дочки твоей ноша совсем уж непосильной оказалась... Согнулась спина.
- А... внучка?
- А что внучка? Дочка – твое отражение, а внучка – дочкино. Отложение солей, говоришь... Невыплаканные слезы там отражаются, вот что! И вина...
- Вы хотите сказать, что горб – это из-за нас? Из-за меня?
- Хочу. И говорю. А твоя спина «замороженная» – из-за кого? Из-за твоей матери... Так по роду и передаете послание, из поколения в поколение.
- Послание?
- Ну да. Это, знаешь, штука такая... Его и вслух-то говорить, бывает, не надо. Оно в делах проявляется. В том, как живешь... Делай, мол, дитя мое, как я! Ну, дитя и запоминает. И потом живет так же, как мать жила. С теми же заблуждениями.
- Разве ответственность – это заблуждение?
- Твоя – да. Ты должна нести ответственность за себя и за детей, пока малые. А как только выросли – у них своя ответственность появляется. А уж взрослые люди и вовсе должны сами за себя отвечать. Муж там... Родственники... Или подруги...
- Но как же! Если пройти мимо, не помочь! Разве так можно?
- Помогать надо, когда просят. Да и то не всегда. Ты сама посуди: тот, кому все время помогают, слабеет и силу теряет. Он же сам мышцы и мозги не напрягает, ну они и усыхают потихоньку. Так и в растение превратиться недолго! А ты ему еще и помогаешь: «Сохни, дорогой, чахни, а я уж все за тебя сделаю!».
- Но я, если не помогу, виноватой себя чувствую!
- Слышала про такую штуку – «горб вины»? Это не совсем горб, не настоящий, а просто как седло такое. Он вот тут бывает, на спине, чуть повыше лопаток, но пониже шеи. Обычно у женщин. От него голова опущена, а плечи вперед подаются. Так и ходит, вся виноватая... На такое седло грех не взгромоздиться. А дальше только погонять осталось! Вези, мол, лошадка, ты выносливая!
- Да... Все про мою дочь – как будто видели вы ее.
- Сколько я таких видела-перевидела... Думаешь, ты первая здесь с такой бедой?
- Да нет. Не думаю. Я видела здесь... других. А почему вы не разрешили нам разговаривать?
- А чего хорошего вы друг другу сказать можете? Глупым опытом поделиться? Своего мало, да? А в молчании, в труде, да на природе, уму-то пользы больше, чем от пустых разговоров!
- Это точно, — рассмеялась Анна. – Это я по себе заметила...
- Теперь ты можешь понять, что такое отражения.
- Да я, похоже, уже поняла. Это как туман. Вот он клубится свободно, а потом огибает скалу – и принимает ее форму. Тоже отражение, да?
- Правильно поняла. Так и в жизни все! Тело принимает форму от твоих мыслей. Подстраивается к ним!
- Но почему внучка??? Она ж малышка совсем? Какие там у нее могут быть мысли? За что она-то?
- А ты подумай! Она еще не родилась, а вы ей уже такой груз ответственности приготовили, что хоть и не рождайся. А горбик – он что? Да как защита от вас, ответственных. Сигналит: «Не приставайте ко мне, я это все равно делать не смогу, больная я!».
- Но вы-то! Вам-то горб не мешает! – воскликнула Анна и осеклась.
- Не бойся, я не обиделась. Как же не мешает? Мешает. Но я с ним сжилась за много лет. И живу не как мне предписано было, а так, как считаю нужным. Думаешь, чего я на гору забралась? Поэтому...
- Но вы... Если вы все это знаете, то почему себе не можете помочь?

- Потому и не могу, что поздно. Мне, чтоб такой умной стать, жизнь прожить пришлось. За меня жертву некому принести было...

- А раз уж слово вылетело, то скажите: правду говорят, что вы здесь кое-кого в жертву приносите? Неведомым богам?

- Вранье. Жертвы ко мне сами приходят. А уходят – уже не жертвами, а свободными женщинами. Богинями! Всегда.

- Но почему тогда не все возвращаются?

- А не все хотят. Есть те, кто здесь жить остается, а я не гоню. А есть и другие – которые в другую жизнь уходят, не хотят «под седло» возвращаться. Но это их ответственность – не моя.

- Я бы вернулась... Я запрещаю себе думать о доме, потому что еще долго их не увижу. Но я обязательно вернусь!

- Можешь собираться. Переночуешь – и домой. Тебе пора.

- Как пора? А как же «семь лет»?

- Ну, считай, год за три. Отработала! Вижу, ты и так все поняла. А раз так, то что тебе тут делать? Освободишь место для следующей дурехи, только и всего.

- Но... как вы узнали, что я уже поняла?

- А по телу. Тело у тебя стало другое... свободное! Ты теперь словно птица. Естественная, такая, как природой задумано.

- Я правда могу идти?

- Орехи мне помоги до дома донести, и собирайся!

Анна не помнила, как они дошли до дома, как она последний раз переночевала в своем сарайчике. Как ни странно, заснула она сразу и спала она мирно и глубоко – как всегда. А утром, привычно искупавшись в росе, она двинулась туда, к тропе. Через колючий кустарник – на этот раз он послушно расступался и не нанес ей ни одной царапины. По каменистой тропинке – она прыгала по круче, как горная коза, походы к источнику за водой не прошли даром. Полоса вечного тумана – она купалась в нем, как в воде, и он ласкал, гладил и охлаждал ее новую кожу. Подножие горы – вон оно, внизу, совсем рядом, и уже виден большой камень, от которого она когда-то начала подъем.

Анна глянула вверх – туман застилал гору и луг, на котором она провела столько времени. Но на какое-то мгновение он поредел, расступился, и ей даже показалось, что она видит темную фигуру горбуны, раскинувшую руки.

«А ведь, пожалуй, врала она мне, — вдруг мелькнула мысль. – У нее там давно не горб. Там крылья!».

И Анна легко и радостно побежала вниз, к камню. Ей надо было домой. Она не знала, что там, и как они без нее, и ждут ли. Но ей очень надо было их увидеть – ведь она несла им новое Послание. Она заплатила.

Автор: Эльфика

КОЛЕЧКО-КОЛЬЦО

Эта сказка написана очень давно. Но сейчас, после откликов на сказку Оксаны «Иной», я подумала — может, кому-то поможет изменить точку зрения, подняться над ситуацией, да и просто — душу согреет?

Всем мамочкам «особенных» деток посвящается.

У одной хорошей женщины было много-много маленького счастья и одно Большое Несчастье. Дочка у нее была больна, доктора сказали, что неизлечимо... А несчастье, оно ведь что? — как ложка дегтя в бочке меда. Сладкий вкус счастья напрочь отбивает! Другая бы на ее месте, может, на горькую судьбину жаловалась да слезы на кулак мотала. Но наша Мамочка была иной! Потому как по жизни была большой оптимисткой. Это пессимист, как говорится, в каждой возможности видит трудности. А оптимист, наоборот, в

каждой трудности видит возможности.

Вот и наша из таких была. Где какую возможность увидит — сразу в карман, а дома вертит ее то так, то эдак — разбирается, значит, а как поймет, что это за возможность — и ну ее использовать!

Мамочка наша дочку свою очень любила, и очень-очень хотела ей помочь! Каждую возможность использовала. К докторам ходила. Колдунов слушала. К знахарям обращалась. Экстрасенсов спрашивала. Говорили они много и разное: кто обещал, кто утешал, кто последнюю надежду отнимал, да только в результате дочке от этого лучше не становилось. Но она не отчаивалась: впереди еще было столько неиспользованных возможностей!!!

И вот однажды пошла она к очередному доктору, о дочке поговорить, и нашла на улице колечко.

Простенькое такое, незамысловатое, с голубеньким камешком. Сама бы носить не стала — но зачем-то взяла, положила в карман.

Доктор очень известный был — профессор, светило, стал он ей умные слова говорить, да такие, что не понятно ничего. Она ему:

- Вы мне скажите, у нас есть надежда?

А он ей:

- С одной стороны, нельзя не признать... А с другой стороны, невозможно не согласиться...

Она ему:

- Так улучшения имеются или нет?

А он:

- Перцеполяция радиальных сегментов... Амбивалентные сингулярности... Синкретность дискретности в разрезе структуризации...

Поняла Мамочка, что тут много не добьешься, затосковала даже, руки в карман засунула, а там — колечко. Ну, она его крутила-крутила, да на палец и надела. И вдруг такое услышала! Профессор вроде говорит, а поверх его голоса еще голос идет, только громче: «Господи, да что за наказание такое! Машину заправить не забыть... Да, и медсестру отругать — чего она опять куда-то умотала? Мамаша эта... Ну ведь сама же понимает, что медицина бессильна! А она все ходит и ходит... Замучила вконец...».

- Кто вас замучил? Я, что ли? — на всякий случай переспросила Мамочка.

Профессор умолк на полуслове.

- Ох, блин! Мысли она читает, что ли? — сказал Голос.

- Извините. Спасибо. Я, пожалуй, пойду, — засобиралась Мамочка.

- Идите, голубушка, идите, — заторопился Профессор. – В общем, вы меня поняли. Если что – вы приходите!

- Ага, — пообещала ошарашенная Мамочка. – Все поняла. Если что – то конечно...

Она как-то сразу поверила, что и правда услышала его мысли. Ее это даже не удивило: она так давно хотела самого главного Чуда, что научилась верить во всякие чудеса! Только вот с чего бы вдруг???

«Колечко! – вдруг осенило ее. – Я надела колечко! Наверное, оно волшебное! А ну-ка, проверим!». В холле поликлиники находился аптечный киоск, вот туда она и направилась.

- Скажите, а это средство хорошее? – ткнула она пальцем в какие-то новомодные капсулы для похудения, их по всем каналам рекламировали.

- Чудодейственное! – бодро сказала аптекарша. – 10 кг за неделю – влет!

- А почему такое дорогое? – и Мамочка надела колечко.

- Нанотехнологии! – авторитетно доложила аптекарша. – Последнее слово в науке!

«Жрала бы меньше – не пришлось бы всякую дрянь глотать. Ой, разводят лохов на прессованный мел!!! Ой, разводят!», — неприязненно сказал Голос.

- Спасибо, — широко улыбнулась Мамочка и заспешила к выходу. Колечко работало!!!

«Такое колечко постоянно носить нельзя, — подумала Мамочка. – А то с ума сойдешь от чужих мыслей. Сниму пока!».

И она заторопилась домой – у нее была идея.

Дома она сразу кинулась в детскую, к дочери. Дочь, как всегда, лежала в кроватке, смотрела в потолок и молчала. «Какая у меня все-таки славненькая девочка! – с удовольствием отметила Мамочка. – Просто прелесть! А сейчас мы послушаем, о чем моя прелесть думает!».

И она надела на палец чудесное колечко. Но тут ее ждало разочарование: ничего не получилось. Ну то есть она не услышала ни словечка!

- Детка, поговори со мной! – попросила Мамочка. – Пожалуйста! Ну просто скажи, ты меня слышишь? Но ответом ей была тишина. Девочка ее все так же отрешенно смотрела в потолок, даже реснички не дрогнули.

- Ладно! Не сейчас, так потом! – вслух сказала Мамочка и помчалась готовить специальную диетическую еду для дочурки.

Но ни сейчас, ни потом, ни в следующие дни Голос не проявился. Хотя другие Голоса звучали исправно, стоило надеть колечко на палец.

Так, вывозя дочку в коляске на прогулку, она услышала жалостливый Голос дворничихи: «Бедная женщина, за что же ей такое наказание?».

«Ну вот еще, скажет тоже, наказание! – мысленно фыркнула Мамочка. – Не наказание, а испытание! И не «за что», а «для чего!».

Она и вправду была редкостной оптимисткой, наша Мамочка. И вовсе не считала своего ребенка наказанием, а любила просто так, ни за что.

Колечко она теперь носила везде! Благодаря ему она узнала, что начальник-самодур, который все время к ней придирался, на самом деле панически боится, что она уйдет, потому что такого специалиста ему в жизни больше не найти – это придало ей уверенности на работе. И зарплату ей прибавили, стоило только заикнуться!

Еще она узнала, что школьная еще подруга Манька, которая все время говорит слова утешения и ободрения, на самом деле радуется, что у нее-то самой все хорошо, а у успешной, красивой Мамочки – такое несчастье. Но Мамочка не стала обижаться – зачем?

Заезжая целительница, к которой Мамочка хотела отвезти дочку, по телефону говорила веско и убедительно, а Голос в это время прикидывал, сколько денег можно срубить с этой доверчивой мамашки.

В успехе лечения целительница сильно сомневалась, веры в ней не было. «Ну что ж, я не обижаюсь, это мне просто не подходит», — пожала плечами Мамочка и положила трубку

Молодой батюшка в церкви сказал ей: «Господь не дает нам испытания не по силам», а Голос сказал:

«Господи! Дай этой женщине смирения – все пройти и все преодолеть!». Мамочка посмотрела на батюшку с уважением. Редкий случай: что думает, то и говорит! А смирение ей была ой как нужно!

А однажды, гуляя с дочкой в парке, она услышала мысли какой-то бабульки. И даже остановилась: до того странные вещи Голос говорил. «Надо же, еще звездный ребенок... Как много их стало в нашем мире!

Видно, за грехи наши... Хорошо, что хоть звезды нас не забывают!».

Мамочка смотрела на старушку во все глаза. О каких звездах она говорила? И при чем тут ее девочка?

Пересилив смущение, она зачем-то стянула с пальца кольцо, подошла к старушке и робко спросила:

- Извините, а вы сейчас про звезды думали?

- Думала, деточка, думала, — закивала старушка.

Казалось, она ничуть не удивилась, и смотрела на Мамочку ласково и ободряюще.

- А вы не могли бы мне объяснить, почему вы сказали о моей дочери, что она «звездный ребенок»?

- Разумеется, деточка! Разве ты сама никогда не слышала это легенду?

- Нет... Ничего такого я не слышала! – помотала головой Мамочка.

- Тогда я тебе ее расскажу... Я вижу, ты созрела! Ну, слушай... У каждого человека есть душа. Она – порождение звезд! А Звезды, как известно, состоят из чистой Любви!

- Звезды состоят из Любви... — замороженно повторила Мамочка. – Так вот почему влюбленные так любят смотреть на звезды!!!

- Да, поэтому... Они чувствуют притяжение!

- Очень красивая легенда. Но как...

- Не перебивай! – строго сказала старушка. – Это ведь еще не все. Так вот: каждая планета – это большой организм, состоящий из множества клеточек. Из нас, людей! Если у каждого душа была бы чиста, то все черпали бы энергию Любви от звезд, и планета был бы здорова и счастлива. Но люди стали слишком часто забывать о душе... Стали обижаться, воевать, нападать на ближнего, жаждать чужого... Исыкает в людях любовь... И они начинают отбирать энергию друг у друга.

- Исыкает любовь? Но как же тогда...

- В том-то и дело! Мир не может существовать без Любви, он начинает разрушаться! И когда любви становится слишком мало, на помощь приходят звезды. Они посылают нам частичку себя, чистые души, чтобы они немножечко пожили на Земле и улучшили наш мир. Это и есть «звездные дети».

- Как? Погодите! Я не поняла... «Звездные дети» — это кто? Вы же говорили, что моя дочь и есть «звездный ребенок»?! – Мамочка пребывала в явном замешательстве.

- Так и есть. Твоя девочка – «звездная душа». Она пришла на Землю, чтобы ее немножечко почистить. Чтобы увеличить Любовь!

- Но ведь она ничего не может! Она не разговаривает. Она не ходит. Она ни с кем не общается. Как же она может увеличивать Любовь?

- Но ведь ты ее любишь? Ты же любишь ее не за то, что она разговаривает, приносит или делает? Ты же просто так – ни за что?

- Конечно! Ведь она так нуждается в моей любви! Как никто другой! – страстно воскликнула Мамочка.

- Ну вот видишь! – засмеялась старушка. – Ты сама и ответила на свой вопрос.

- Но почему, почему у нее хилое, больное тельце? Почему она не может есть то, что едят все люди? Почему она не как все?

- Потому что она действительно, не как все, — объяснила старушка. — Она слишком «звездная», понимаешь? Такая маленькая звездочка. От накала ее души земное тело вроде как плавится. Не выдерживает света!
- Так выходит, поэтому «звездные дети» рано уходят? — тихо спросила Мамочка.
- Поэтому, дорогая. Они и так много делают для нас. Слишком много! Рядом с ними и мы чистимся, становимся мудрее, добрее, светлее. Заново учимся любить! И еще — слышать Голос Вселенной.
- А почему тогда «звездных детей» часто бросают? Ну, в детские дома отдают? Или в роддоме оставляют?
- Каждый волен принять или не принять помощь, — вздохнула старушка. — И не всем дано выдержать рядом с собой чистый свет далекой звезды. Некоторым уже не помочь...
- Бабушка, миленькая, а мне, мне — дано?
- Тебе дано! — заулыбалась старушка. — Иначе бы ты ко мне просто не подошла.
- Да я не потому подошла, — объяснила Мамочка. — У меня просто есть колечко. Я из-за него могу слышать мысли других.
- Колечко? Что за колечко? — заинтересовалась старушка. — Покажешь мне?
- Конечно! Вот оно, — достала свою чудесную игрушку Мамочка. — Я его нашла, и начала слышать, что думают люди.
- Симпатичное, — сказала старушка, повертев колечко и примерив его на палец. — Только нет в нем никакой магической силы. Обычное оно. Даже не золотое.
- Но как же? Я же сама слышала Голоса! Или вы хотите сказать, что я сошла с ума? — растерялась Мамочка.
- Нет, деточка, вовсе ты не сошла с ума! Просто, находясь рядом со «звездным ребенком», сама немножечко становишься звездой. И тебе начинают открываться тайны Мироздания. Ты мне поверь! Уж я-то знаю! А колечко — ни при чем...
- Откуда вы все это знаете? — спросила пораженная Мамочка.
- Я тоже много лет приходила в этот парк со своим «звездным мальчиком». Я знаю.
- А... где он сейчас?
- Он покинул нас, девочка моя. Давно уже. Побыл на Земле, сколько могло выдержать несовершенное земное тело... Он выполнил свое задание — принес со звезд столько Любви, сколько смог, и вернулся. Теперь он дома. А я — здесь. Помогаю ему. Рассказываю другим то, что сумела понять сама. Жаль только, что мало успела...
- Вы помогаете людям вновь вспомнить, что они — порождение звезд?
- Да, моя хорошая. И еще то, что они состоят из Любви.
- Мамочка посмотрела на колечко, а потом на сидящую в коляске дочку. Такую отрешенную, такую беспомощную, такую родную... Глаза девочки были широко открыты, и она смотрела вверх. Наверное, она видела звезды. И внутри нее тоже были звезды. В ее маленьком тельце была упакована бесценная посылка из самой настоящей, чистой, звездной любви — той самой, что послана из глубин Вселенной напомнить каждому, Кто Он Есть на Самом Деле.
- «Я люблю тебя», — донесся до нее едва слышный голос, почти шепот. Может, она наконец смогла услышать свою дочь. А может, Вселенную.
- И я тебя, очень-очень! До неба! — ответила она. Может быть, дочери. А может быть, Вселенной.